

ПРОФЕССОРСКИЙ ЖУРНАЛ.

Серия: РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 - 74822 от 21.01.2019

№ 1(25)/2026

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Л.П. Клобукова, д.п.н., профессор,
член-корреспондент РАО, академик МАНПО,
зав. кафедрой, МГУ имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.Б. Авдеева, д.п.н., профессор, действительный член
Петровской Академии наук и искусств, МАДИ
Э.Г. Азимов, д.п.н., профессор, ГИРЯ имени А.С. Пушкина
Е.Л. Бархударова, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой,
МГУ имени М.В. Ломоносова
С.И. Богданов, д.ф.н., профессор, член-корреспондент РАО,
и.о. академика-секретаря Отделения российской словесности РАО
Л.Д. Бугаева, д.ф.н., доцент, СПбГУ
А.Н. Варламов, д.ф.н., профессор, ректор,
Литературный институт имени А.М. Горького
Е.Н. Виноградова, д.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова
В.А. Воропаев, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова
М.М. Голубков, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой,
МГУ имени М.В. Ломоносова
А.Д. Дейкина, д.п.н., профессор, МПГУ
Л.А. Дунаева, д.п.н., профессор, зам. декана,
МГУ имени М.В. Ломоносова
Е.И. Зиновьева, д.ф.н., профессор, СПбГУ
В.Б. Катаев, д.ф.н., профессор, заслуженный деятель
науки РФ, зав. кафедрой, МГУ имени М.В. Ломоносова
А.В. Коротышев, к.п.н., директор секретариата РОПРЯЛ,
МАПРЯЛ, руководитель Центра социолингвистических
исследований РУДН
В.В. Красных, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова
Е.А. Кузьминова, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова
О.В. Махарова, к.п.н., старший преподаватель,
МГУ имени М.В. Ломоносова
Ю.Б. Мартыненко, к.ф.н., доцент, МПГУ
Л.В. Московкин, д.п.н., профессор, почетный работник сферы
образования РФ, СПбГУ
Н.В. Поморцева, д.п.н., профессор, декан, РУДН
Т.И. Попова, д.ф.н., профессор, СПбГУ
И.Н. Сухих, д.ф.н., профессор, СПбГУ
Л.А. Трахтенберг, д.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова
М.Ю. Федосюк, д.ф.н., профессор, МГУ имени Ломоносова
Е.А. Хамраева, д.п.н., профессор, зав. кафедрой, МПГУ,
директор межвузовского центра билингвального
и поликультурного образования, РГПУ имени А.И. Герцена
Е.А. Чернышенко, к.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова
Т.В. Шмелева, д.ф.н., профессор, Новгородский
государственный университет имени Ярослава Мудрого
Д.А. Щукина, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой,
Санкт-Петербургский горный институт
И.И. Яценко, к.п.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова

Л.П. Клобукова

«Профессорский журнал. Серия: Русский язык
и литература» в составе «Белого списка»2

ЛИНГВИСТИКА:

СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ, ДИСКУРС

Е.П. Пустошило

Лексема *более* как строевой элемент квантитатива
в современном русском языке (на материале языка
средств массовой информации)3

О.Н. Григорьева, Хао Гаюань

Лексико-семантические поля «смелость» и «трусость»
в поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила»12

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

М.К. Лопачева

Художественная антропология культурного пограничья
в «Петербургских зимах» Георгия Иванова21

А.И. Октябрьская-Кисничан

Рассказ К.М. Станюковича «Кириллыч»:
амбивалентность нравственной парадигмы30

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Е.Л. Бархударова, М.А. Рубцова

Имитация иностранного акцента как средство
речевой характеристики в художественном фильме
(на материале акцента носителей английского языка)36

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ В ШКОЛЕ

В.Н. Сульниченко

Алгоритмическая структуризация грамматической
информации об именных частях речи как средство
развития когнитивных способностей школьников45

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ В ЛИЦАХ

Алла Васильевна Величко55

Адрес редакции:

115035 г. Москва, Космодамианская
набережная д. 26/55, стр. 7

e-mail: redactor@profsobranie.ru

Адрес для приёма статей:
professor_rll@mail.ru

Учредитель

Общероссийская общественная
организация «Российское
профессорское собрание»
(115035, г. Москва, Космодамианская
набережная 26/55, стр. 7)

Издатель

Общероссийская общественная
организация «Российское
профессорское собрание»
(115035 г. Москва, Космодамианская
набережная д.26/55, стр.7)

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), в перечень научных изданий ВАК.
Подписной индекс в объединенном каталоге «Урал-Пресс» — 79623.

Подписан в печать: 10.12.2025. Дата выхода в свет: 25.12.2025

«Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература» в составе «Белого списка»

В 2026 году исполняется семь лет, с тех пор как вышел в свет первый номер научного периодического издания «Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература», учреждённого Российским профессорским собранием. Была создана новая площадка для эффективного общения специалистов в области русской словесности — профессионалов в сфере изучения и методики преподавания русской литературы, а также русского языка как родного, неродного и иностранного в России и за рубежом.

И уже с декабря 2022 года (всего лишь через три года после того как журнал начал издаваться) он был включён Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук.

Прошедший год принёс новую замечательную новость всем читателям «Профессорского журнала» и, конечно, его авторам — как тем, кто уже опубликовал свои статьи в журнале, так и тем, кто только готовит материалы к печати. Совместные усилия редакционной коллегии и наших авторов по поддержанию высокого научного уровня данного периодического издания продолжают приносить свои плоды. В июне 2025 года «Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература» был включён в «Белый список» — единый государственный перечень наиболее авторитетных научных журналов, который рекомендован к использованию при анализе результативности научных организаций / коллективов и оценке публикационной активности российских учёных (регистрационный номер журнала в «Белом списке»: 2687-0339)¹.

Данный список был утверждён Министерством науки и высшего образования РФ на основании строго формальных критериев по представлению Межведомственной рабочей группы, в состав которой вошли представители Российской Академии наук, Российского центра научной информации, других ведущих научных организаций страны, а также крупнейших отечественных вузов. В «Белый список» были включены журналы, которые по состоянию на середину 2025 года учитывались, в частности, в Russian Science Citation Index, Web of Science Core Collection и Scopus.

Я сердечно благодарю всех, кто своими публикациями и эффективной работой в составе редколлегии журнала способствовал такому росту его авторитета в научном сообществе, и очень надеюсь на продолжение нашего плодотворного сотрудничества. Особые слова благодарности хотелось бы выразить сотрудникам редакционно-издательского отдела Российского профессорского собрания за постоянную помощь и поддержку в нашей работе во благо вузовской науки в России.

Л.П. Клобукова,

главный редактор журнала,

член-корреспондент РАО,

доктор педагогических наук,

заслуженный профессор Московского университета,

почетный профессор Государственного института

русского языка имени А.С. Пушкина

¹ Со списком можно ознакомиться на сайте Российского центра научной информации <https://journalrank.rcsi.science/ru/>.

DOI: 10.18572/2687-0339-2026-1-3-11

Лексема *более* как строевой элемент квантитатива в современном русском языке (на материале языка средств массовой информации)

Елена Петровна Пустошило,

кандидат филологических наук, доцент,

заведующий кафедрой русского и белорусского языков

Гродненский государственный медицинский университет (Гродно, Беларусь)

ORCID: 0000-0002-5972-8296

E-mail: alenapustashyla@grsmu.by

В статье рассматриваются функции предлога *более* как строевого элемента простых и усложненных квантитативов (количественно-именных сочетаний). Делается вывод о том, что лексема *более* с общей семантикой 'превышение обозначенного количества' в квантитативных синтаксемах реализует предложную функцию управления родительным падежом числительного, а в составе количественно-го компонента квантитатива управляет родительным падежом его субстантивного компонента. Анализируются условия нейтрализации этой функции предлога *более*.

Ключевые слова: предлог *более*, квантитатив, синтаксема, язык СМИ.

Квантитативы, или синтаксически неделимые количественно-именные сочетания (*три дерева, много людей, половина участников*), являются важной формой выражения количественной оценки объектов действительности. По утверждению Майи Владимировны Всеволодовой, «ядром категории количественности в славянских языках — в силу своей эксплицитности — является не категория числа имени существительного, а количественно-именная группа» [Всеволодова 2013(б): 69].

Структура количественно-именных сочетаний изучалась лингвистами с точки зрения выделения в ее составе главного и зависимого компонентов [Мельчук 1985; Гращенков 2002; Всеволодова 2013(а), 2013(б)]. Переменность в отношении главного и зависимого

компонентов в структуре квантитатива (*три дерева* и *трех деревьев*), равно как и его синтаксическая целостность и внутреннее функциональное единство всех его компонентов, определяются, по мнению М.В. Всеволодовой, спецификой статуса этой языковой единицы, которую следует считать «морфосинтаксической структурой типа синтаксемы» [Всеволодова 2013(а): 58].

В русле принятия за квантитативом статуса синтаксемы становится возможным различение двух уровней членения его структуры:

1) собственно квантитативного уровня, на котором выделяются **количественный компонент** (нумератив, или Num) и **субстантивный компонент** (номинатив, или Nom);

2) синтаксемного уровня, где М.И. Конюшкевич предлагает выделять **номинативный компонент**, который «составляют лексические значения числительного и существительного» [Конюшкевич 2018: 118], и **грамматический формант**, представленный «единым комплексом из флексий и нумератива, и субстантива» [Там же: 118].

Так, например, если структуру квантитатива *три дерева* на собственно квантитативном уровне можно представить в виде Num (*три*) + Nom (*дерева*), то на синтаксемном уровне она репрезентуется как совокупность номинативного компонента ('дерева в количестве трёх') и грамматического форманта в шести падежных вариантах (*тр-и дерев-а, тр-ёх деревь-ев, тр-ём деревь-ям, тр-и дерев-а, тр-емя деревь-ями, тр-ёх деревь-ях*).

В центре внимания данной статьи — лексема *более* как строевой элемент квантитатива. Цель исследования — оценить реализацию семантического и грамматического функционала данной лексемы в составе квантитативной синтаксемы. Материалом исследования послужили контексты, взятые из подкорпуса центральных СМИ Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Обращение к квантитативам как к особым морфосинтаксическим структурам типа синтаксемы привлекло внимание к анализу данных конструкций с точки зрения их внешних и внутренних границ. Представление количественной информации в современном дискурсе способно расширять границы квантитативной синтаксемы, делать их проницаемыми, «впускать» в квантитатив различные строевые элементы, усложняя его структуру [Конюшкевич 2018; Пустошило 2023].

Один из путей усложнения квантитатива — включение в его состав предлогов (*на трех деревьях, около трех деревьев, более трех деревьев, в количестве трех деревьев*). На функционирование предлогов и их коррелятов в составе квантитативов со значением параметрической характеристики предметов в рамках работы над международным научным проектом «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» обратила внимание Р. Судзуки [Судзуки 2007]¹.

С точки зрения семантики лексема *более* в составе квантитатива имеет такое же значение, как и слово *больше*, и указывает на «превышение обозначенного количества» [МАС 1981: 106].

По определению О.В. Емцевой, функционирование лексемы *более* в составе количественно-именных сочетаний зависит от их семантики неопределенного или приблизительного количества [Емцева 2010: 10]. В количественно-именных сочетаниях неопределенного количества *более* функционирует в роли местоименного числительного. Так, в контексте *У Ивана значительно более недостатков, чем у Антона* местоименное числительное *более* формирует количественный компонент сочетания *более недостатков*. Однако наше обследование подкорпуса центральных СМИ НКРЯ не выявило примеров квантитативов с *более* в данном значении, что может свидетельствовать в пользу комментария Ю.П. Князева о том, что полнозначные формы сравнитель-

¹ Подробно об эволюции изучения и описания системы русских предлогов в рамках работы над международным научным проектом «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» см. [Клобукова, Виногоорова 2024а; 2024б; 2025].

ной степени *более* и *менее* «в современном русском языке практически утратили способность к самостоятельному употреблению» [Князев 2007: 204] и заменены на *больше* и *меньше* (сравните: *У Ивана значительно больше недостатков, чем у Антона*). Вероятно, в связи с этим авторами реестра русских предложных единиц «Русские предлоги и средства предложного типа» лексема *более* в составе квантитатива (*более скольких единиц*) признается предложом [Всеволодова и др. 2018: 54], а лексема *больше* в аналогичных контекстах (*больше скольких единиц*) — лишь коррелятом предлога [Там же: 57].

М.И. Конюшкевич обращает внимание на совокупность функций, выполнение которых берет на себя слово *более*, оказываясь в составе квантитатива [Конюшкевич 2018: 119]: 1) функция интенсификатора-увеличителя (*более десяти человек* — ‘человек немногим больше, чем десять’); 2) функция компаратора — показателя сравнения (*более десяти человек* — реальное количество человек (Б) сравнивается с количеством в десять человек (А), при этом $B > A$); 3) функция аппроксиматора (*более десяти человек* есть приблизительное количество человек с указанием нижней границы этого количества, и точка отсчета *десять* не входит в количественный интервал); 4) функция градуатора (*более десяти человек* — *более* указывает на градуальный признак на шкале *меньше точки отсчета* — *точка отсчета* — *больше точки отсчета*). Градуатор *более* маркирует количество больше точки отсчета, но не беспредельно больше, а лишь в пределах 1–2 единиц: «градация в сочетании *более десяти* охватывает приблизительное количество от 11 до 12» [Там же: 119], так как «количество 13 потребовало

бы иной «круглой» номинации — *около 15*») [Там же: 119].

Рассмотрим функции лексемы *более* как строевого элемента простых и усложненных квантитативных синтаксисом.

1. *Более* в простых квантитативах с усеченным количественным компонентом типа *более часа*.

Анализ контекстов показал, что лексема *более* в количественно-именных сочетаниях в качестве единственного эксплицитного Num, если и функционирует, то только в тех случаях, когда в лексическом значении Nom заложен количественный (обычно временной) показатель: *час, неделя, месяц, год* и т. п. Данные существительные можно рассматривать как редуцированные квантитативы: *час* (‘1 час’), *неделя* (‘1 неделя’), *месяц* (‘1 месяц’), *год* (‘1 год’). Например: *Более часа врачи делали прививки в автобусе* [Парламентская газета. 2021.04.14]; *При сохранении лихорадки более недели, а также если появились одышка, боль в груди — вызывайте скорую помощь* [Vesti.ru, 20.10.2020].

В приведенных примерах квантитативы с *более* указывают на приблизительное количество и демонстрируют синонимичность с квантитативами, в которых *более* выступает в функции строевого элемента Num, сравните: *более часа* = *более одного часа*. Таким образом, на собственно квантитативном уровне членения структура квантитатива типа *более часа* представлена: 1) усеченным количественным компонентом — *более [одного]* и 2) субстантивным компонентом *часа*.

Анализ синтаксической структуры квантитатива типа *более часа* позволяет сделать вывод о том, что лексема *более* входит в состав:

— и номинативного компонента синтаксемы, который можно выразить как ‘один час является точкой отсчета, определяющей нижнюю границу некоторого временного отрезка и не включаемой в него, при этом верхняя граница временного отрезка простирается на 10–20 минут до следующего «круглого» количества времени (например, до полутора часов)’;

— и грамматического форманта, но не всей квантитативной синтаксемы, а лишь ее количественного компонента *более* [одного], в котором *более*, выполняя предложную функцию, даже при редукции числительного управляет его родительным падежом. Управление субстантивным компонентом *часа* в составе квантитатива осуществляет полный Num: *более* [одного].

2. *Более* в простых квантитативах с полным количественным компонентом типа *более пяти часов*.

Аналогичным предстает функционирование *более* в составе квантитатива с полным эксплицитным Num: *Переговоры президента России Владимира Путина и президента Белоруссии Александра Лукашенко <...> длились более пяти часов* [NEWSru.com, 28.05.2021]. *Более* входит и в номинативный компонент квантитатива со значением некоторого превышения обозначенного количества, и в грамматический формант Num, в котором выступает в роли «предлога-градуатора» [Конюшкевич 2018: 120], управляющего родительным падежом числительного в контекстах, где квантитативная синтаксема занимает позицию именительного или винительного падежей.

По замечанию М.И. Конюшкевич, «в других падежах градуатор *более* нуждается в поддержке экспликатора *чем*, который обеспечивает грамматический

«шов» между предложом *более*, откомпаративная природа которого ограничена управлением только род. падежом, и квантитативом, грамматически гибким в склонении благодаря актуализации флексий числительного или существительного (второе очевиднее): *Более чем полумиллиону человек рекомендовано покинуть свои дома* (Известия, 25.06.14)» [Конюшкевич 2018: 120–121].

Действительно, квантитативы с *более чем* широко представлены в средствах массовой информации во всём разнообразии падежных форм, однако, как показал материал исследования, в языке СМИ лексема *более* может использоваться в составе квантитативов (*более + числительное + субстантив*) разных падежей и без экспликатора *чем*:

1) в контекстах с предложениями, вводящими квантитатив в высказывание, подчиняющими себе Num и нейтрализующими предложную функцию *более*: *Только в результате нашего вмешательства запрещён доступ к более 27 тысячам подобных сайтов <...>* [Парламентская газета, 2021.11.16]; *Поселок большой, с более шестьюстами жителей* [Комсомольская правда, 01.04.2011]; *Число зараженных этим штаммом удваивается каждые 2–3 дня, предупредила ранее ВОЗ, на данный момент он уже обнаружен в более 100 странах* [Ведомости, 2021.12.29]; *Данные о более 20 миллионах корпоративных сим-карт <...> подтверждены через портал госуслуг* [Парламентская газета, 2021.11.30];

2) в беспредложных контекстах, где вступает в силу грамматическая гибкость прежде всего числительных-существительных *тысяча, миллион, сотня, десяток* проявляющаяся в их подчине-

нии предикату: *Это позволит улучшить жилищные условия **более 600 тысячам россиян*** <...> [Парламентская газета, 2021.12.11]; *С 2016 года институт уполномоченных по правам человека помог более 3 миллионам россиян* [Парламентская газета, 2021.12.09]; *Тогда наш политический небосклон был усеян более полутора сотнями «звезд» и «звездочек»* [Vesti.ru, 06.07.2011]; *Всего же программа уже помогла более восьми десяткам медучреждений* <...> [Vesti.ru, 15.12.2014]. Здесь функцию управления количественным компонентом квантитатива берут на себя подчеркнутые нами слова, управляющая сила которых для говорящего оказывается мощнее, чем у *более*. В данных контекстах *более* исключается из грамматического форманта Num, утрачивая предложную функцию управления родительным падежом следующего за ним количественного слова, но сохраняет аппроксимативную семантику.

По аналогии передача предикату функции управления квантитативом может осуществляться и в контекстах с классическими числительными, вступающими в согласование с существительными: *Они запрещают собираться более двум семьям вместе, переводят учеников старших классов на полное дистанционное обучение* [Парламентская газета, 2020.12.09]; *В мэрии рассказали, что более пятидесяти жителям Омска были выписаны штрафы за нарушение режима самоизоляции* <...> [Vesti.ru, 03.06.2020]; ***Более восьмистам хозяйствам** области остаётся надеяться на поддержку* [Vesti.ru, 09.04.2013]; *Московские образовательные учреждения сейчас обслуживаются более двадцатью комбинатами питания* [Известия, 18.06.2012].

3. Более в усложненных квантитативах типа *пять и более часов, два и более часа / часов, в двух и более часах / часов, два часа и более*.

Лексема *более* в количественно-именных сочетаниях может выступать в качестве элемента Num в усложненных квантитативах: *По словам ученых, положительный эффект может длиться **пять и более часов*** [Lenta.ru, 09.04.2019]. Квантитатив в данном примере конденсирует в себе суммарное значение нескольких простых квантитативов: *пять и более часов* = *пять часов* + *более пяти часов*. Подобные квантитативы имеют составной Num (Num'+Num''): *пять + более* [*пяти*]. Num в подобных примерах способен расширяться: *Сам принцип формирования некоторых надбавок носит долгосрочный характер — **10–15 и более лет*** [Ведомости, 2021.07.25]. Num = (Num'+Num'')+Num''': *десять + пятнадцать + более* [*пятнадцати*]. Num в такого рода квантитативах в целях экономии языковых средств не повторяется.

Данные квантитативы так же, как и квантитативы типа *более часа, более пяти часов*, рассмотренные нами в пунктах 1 и 2, указывают на аппроксимативную семантику превышения обозначенного количества, но уже другого порядка. Номинативный компонент квантитатива *пять и более часов* может быть представлен следующим образом: 'пять часов являются точкой отсчета, определяющей нижнюю границу некоторого временного отрезка и включаемой в него, при этом верхняя граница временного отрезка простирается на все возможные для данного временного отрезка значения'. В подобных квантитативах *более* входит в состав грам-

матического форманта Num, управляя формой родительного падежа редуцированного числительного *более* [пяти].

3.1. *Более* в усложненных квантитативах с малыми числительными.

В случае включения в состав квантитативов подобной структуры так называемых малых числительных (*один, два, три, четыре*) наблюдается непоследовательность в грамматическом оформлении их субстантивного компонента, который может демонстрировать зависимость:

– от первого структурного элемента Num, или от Num': *Из Шереметьево в Москву поздним вечером можно ехать два и более часа* [Известия, 29.05.2013];

– от второго структурного элемента Num, или от Num'', в который включена лексема *более*: *В результате работы выяснилось, что подростки, которые ежедневно тратят на социальные сети два и более часов в день, гораздо больше остальных подвержены депрессии и мыслям о суициде* <...> [Gazeta.ru, 23.07.2015]. Здесь, однако, вывод о зависимости Nom от Num'' не является бесспорным. Можно также утверждать, что в данных контекстах Nom зависит от всего Num в целом: *два и более [двух] часов*. Эта мысль подтверждается следующим примером: *Речь идет об умышленном причинении смерти одному и более лиц в результате преднамеренного нарушения карантина* [Lenta.ru, 09.04.2020], где форма субстантивного компонента *лиц* не демонстрирует его зависимости ни от Num' (*одному*), ни от Num'' (*более [одного]*). Логичнее было бы утверждать, что в квантитативе *одному и более лиц*, Nom *лиц* управляется суммарным Num *одному и более [одного]*.

Таким образом, грамматическая парадигма квантитативов *Nom' и более*

[Num''] + *Nom* с малыми числительными в формах именительного и винительного падежей может быть расширена до 2 вариантов: *два и более [двух] часа, два и более [двух] часов*. В обоих случаях *более* входит в состав грамматического форманта усеченного Num'', управляя формой его родительного падежа, однако во втором случае *более* в составе Num'' оказывает влияние на форму субстантивного компонента.

В позиции других падежей *более* в подобных квантитативах не оказывает влияния на субстантивный компонент, который согласует с собой лишь Num': *На конец 2019 г. 20% подписчиков МТС пользовались двумя и более услугами* <...> [Ведомости, 2020.11.26]; <...> *выражение недоверия трем и более министрам в течение года равносильно выражению недоверия правительству в целом* <...> [Независимая газета, 13.10.1998]. В приведенных примерах *более* остается лишь в составе грамматического форманта Num'': *двумя и более [двух] услугами, трем и более [трех] министрам*. Данное положение оказывается релевантным и для других числительных в составе квантитатива: *Индекс репродукции гриппа оценивают в один — 1,3 человека, тогда как зараженный COVID-19 может передать его десяти и более людям* [РИА Новости, 31.10.2020]. Примеры, в которых *более* в составе Num'' оказывает влияние на форму субстантивного компонента — большая редкость (*Прокуратура Москвы возбудила по факту обрушения уголовное дело по ст.109 ч.3 УК РФ (причинение смерти по неосторожности двум и более человек)* <...> [РБК Daily, 24.02.2006]), однако их наличие свидетельствует о силе для говорящего в отдельных контекстах предложной функции *более* в сочета-

нии с числительным: *причинение смерти ... более [двух] человек.*

3.2. Более в усложненных квантитативах с предложениями.

Утрата Num' (более + имплицитное числительное) влияния на субстантивный компонент усложненного квантитатива достаточно последовательно проявляется в формах косвенных падежей квантитативов с предложениями: *Более 95 процентов бактерий в их воде показали устойчивость к 10 и более антибиотикам <...>* [Lenta.ru, 24.12.2015]; *В случае если по двум и более заявкам получено одинаковое количество баллов победителем признается заявка, которая раньше всех поступила в Минкультуры* [Парламентская газета, 2021.09.14]; *<...> речь должна идти о шести и более процентах экономического роста в год на протяжении нескольких лет* [РИА Новости, 03.04.2002]. Здесь управляющая сила *более* подавляется другими предложениями, вводящими квантитатив в высказывание.

Тем не менее в ряде случаев (нами найдено всего 7 таких контекстов в подкорпусе центральных СМИ) лексема *более* проявляет свою предложную управленческую силу: *В нем предлагалось ограничить количество сеансов каждого иностранного фильма, показываемого в кинотеатре с двумя и более залов <...>* [Коммерсант, 12.02.2019]; *Правительство Российской Федерации выделило 1,6 миллиарда рублей регионам на поддержку нуждающихся семей с тремя и более детей* [Парламентская газета, 2016.09.29].

3.3. Мена позиций компонентов в усложненных квантитативах типа два часа и более.

Непоследовательность в оформлении субстантивного компонента

в квантитативе усложненной структуры может устраняться путем мены позиций его компонентов — внедрения субстантива в количественный компонент: *Регулятор предложил лишить авиакомпанию права на часть чартерных рейсов, если они задержали не менее 20% вылетов на два часа и более* [Коммерсант, 08.11.2017]; *В России необходимо снижать пенсионный возраст для мужчин с тремя детьми и более* [Lenta.ru, 13.11.2020]; *Общий возможный охват компаниями, вошедшими в альянс, — 1 млрд человек в 80 странах и более* [Коммерсант, 15.02.2016]. Здесь номинатив либо управляется эксплицитным Num', либо согласуется с ним.

Подведем итоги.

Лексема *более* в составе квантитативной синтаксемы может занимать разные позиции, не меняя своего семантического и грамматического функционала: 1) является обязательной составляющей номинативного компонента квантитативной синтаксемы, реализуя взаимосвязанные функции интенсификатора-увеличителя, компаратора, градуатора, аппроксиматора с общей семантикой превышения обозначенного количества; 2) в качестве составляющей грамматического форманта выполняет предложную функцию управления родительным падежом числительного и вместе с числительным — родительным падежом субстантива. Указанная предложная функция *более* может нейтрализоваться под воздействием экспликатора *чем* (*более чем полумиллиону человек*), предложения, вводящего квантитатив в высказывание (*с более шестьюстами жителей*), других слов в высказывании, управляющая сила которых оказывается мощнее, чем у *более* ([представлен] *более 50-ю предприятиями*).

Тем не менее сила предложной функции *более* достаточна велика и способна вызывать непоследовательность в оформлении субстантивного компонента квантитатива (*два и более часа / часов, с тремя и более детьми / детей*).

В перспективе целесообразно рассмотреть идентичность парадигм и употребительность квантитативов со строевыми элементами *больше, не больше, менее, меньше, не меньше*. Так, например, поиск в подкорпусе централь-

ных СМИ НКРЯ (на сентябрь 2025 г.) по запросу «числительное + и + более + существительное» выдает 9935 примеров; по такому же запросу, но со строевым элементом *менее* всего 124 примера (более чем в 80 раз меньше!). Сопоставление функционирования квантитативных синтаксем с коррелятивными строевыми элементами поможет установить закономерности и случайности в их статусе и использовании в составе квантитативов.

Литература

1. Всеволодова и др. 2018 — Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Книга 2: Реестр русских предложных единиц: А — В (объективная грамматика) / Под общ. ред. М.В. Всеволодовой. М.: URSS, 2018. 800 с.
2. Всеволодова М.В. 2013(а) — Всеволодова М.В. Категория количественности в славянских языках: числительные и квантитативы // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2013. № 6. С. 16–62.
3. Всеволодова М.В. 2013(б) — Всеволодова М.В. Специфика категории количественности в славянских языках: числительные, квантитативы, счетное множество и изменения в парадигматике русских числительных (функционально-коммуникативная грамматика) // Stephanos. 2013. № 2. С. 69–142. URL: http://stephanos.ru/izd/2013/2013_2_4.pdf (дата доступа: 05.04.2022).
4. Емцева О.В. Слова *более* и *менее* в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 20 с.
5. Клобукова Л.П., Виноградова Е.Н. 20 лет спустя: к эволюции изучения и описания системы современных русских предлогов (методологические уроки одной научной дискуссии). Статья 1 // Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература. 2024а. № 2. С. 2–12.
6. Клобукова Л.П., Виноградова Е.Н. 20 лет спустя: к эволюции изучения и описания системы современных русских предлогов (методологические уроки одной научной дискуссии). Статья 2 // Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература. 2024б. № 4. С. 2–17.
7. Клобукова Л.П., Виноградова Е.Н. 20 лет спустя: к эволюции изучения и описания системы современных русских предлогов (методологические уроки одной научной дискуссии). Статья 3 // Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература. 2025. № 2. С. 2–18.
8. Князев Ю.П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М. Языки славянских культур, 2007. 704 с.

9. Конюшкевич М.И. Внешние и внутренние границы синтаксем с квантитативами в русском языке // *Язык, сознание, коммуникация* : сб. статей / редкол. В.В. Красных, А.И. Изотов (отв. ред.) [и др.]. М. : МАКС Пресс, 2018. Вып. 60. С. 114–130.
10. МАС 1981— Словарь русского языка : В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Русский язык, 1981. — Т. 1. А — Й. 1981. 698 с.
11. Пустошило Е.П. Усложненные квантитативы в современном дискурсе // *Пісьменнік — мова — стыль : матэрыялы III Міжнар. навук. канф., прысвеч. праф. Ц.П. Ломцеву, Мінск, 21–22 верас. 2023 г.* / Беларус. дзярж. ун-т. Мінск : БДУ, 2023. С. 215–224.
12. Судзуки Р. Русские атрибутивные конструкции со значением «параметрическая характеристика предмета» и функционирование в них компонентов предложного типа (в зеркале японского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 273 с.

The lexeme *bolee* (*'more'*) as a building block of the quantitative in modern Russian (based on the mass media language)

Alena P. Pustashyla,

PhD in Philology, Associate Professor,

Head of the department of Russian and Belorussian languages

Grodno's State Medical University (Grodno, Belarus)

E-mail: alenapustashyla@grsmu.by

This article examines the functions of the preposition *bolee* (*'more'*) as a building block of simple and complex quantitative phrases (quantitative-nominal combinations). It is concluded that the lexeme *bolee*, with the general semantics of 'exceeding the designated quantity' in quantitative syntaxemes, implements the prepositional function of governing the numeral genitive case, and within the quantitative component of a quantitative phrase, governs the genitive case of its substantive component. The article analyzes the conditions for neutralizing this function of the preposition *bolee*.

Key words: preposition *bolee*, quantitative, syntaxeme, mass media language.

*Статья подана 22 ноября 2025 г.
Одобрена к публикации 26 января 2026 г.*

DOI: 10.18572/2687-0339-2026-1-12-20

Лексико-семантические поля «смелость» и «трусость» в поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила»

Ольга Николаевна Григорьева,

кандидат филологических наук, доцент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

(Москва, Россия)

E-mail: lonogrig@mail.ru;

Хао Гаююань,

аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

(Москва, Россия)

E-mail: 947922671@qq.com

Статья посвящена описанию лексико-семантических полей «смелость» и «трусость» в поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила», выявлению роли единиц этого поля в изображении характеров персонажей и развитии сюжета поэмы. Цель исследования заключается в определении особенностей функционирования слов, связанных с понятиями «смелость» и «трусость», в художественном тексте на примере указанного произведения Пушкина. Семантическая оппозиция «смелость — трусость» является одной из самых значимых в поэме, в ней отражаются нравственные ценности поэта, его отношение к жизни и смерти.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, лексико-семантическое поле, семантическая оппозиция «смелость — трусость», функции лексических средств в структуре поэмы «Руслан и Людмила».

Поэма «Руслан и Людмила» занимает важное место в творчестве А.С. Пушкина. Это не только образец романтического эпоса, но и произведение, в котором нарушаются каноны жанра, проявляется близость литературного произведения к народной поэзии. Статья посвящена изучению понятий «смелость» и «трусость», представленных в этой поэме Пушкина. Цель исследования заключается в том, чтобы проанализировать, как лексические единицы, обозначающие данные понятия, используются для характеристики персонажей и построения повествова-

ния. Исследование актуально с точки зрения как литературоведения, так и лингвистики и способствует более глубокому пониманию механизмов воздействия языка художественной литературы на читателя.

Оппозиция «смелость — трусость» актуальна для любой эпохи и любой культуры. Русская языковая картина мира, как считает Ю.А. Климова, характеризуется поляризацией ценностных представлений. Этот дуализм, по мысли исследователя, «коренится в особенностях русского православия, определивших черты русской куль-

туры» [Климова 2008: 11]. Как пишет О.Г. Ревзина, пушкинские валидные (ценностные) высказывания «формируют национальное мировосприятие и восприятие современных событий, дают название эмоциональным переживаниям человека и ментальным актам» [Ревзина 2004: 19].

В ряде работ отечественных и зарубежных ученых семантическая оппозиция рассматривается как динамический процесс, посредством которого авторы достигают в своих текстах определенного эмоционального и смыслового напряжения. Оппозиции в художественном тексте многофункциональны. Это сложная, художественно завершенная система различных образов и средств выражения, отражающая «картину мира писателя» [Станиславская 2001: 11]. В книге «Анализ поэтических текстов» Ю.М. Лотман утверждает, что «элементы поэтической структуры образуют пары оппозиций, присущие именно данной структуре и не являющиеся свойствами ее материала (для литературы — языка), структурная природа которого учитывается на определенных уровнях, а на более абстрактных вообще в расчет не берется» [Лотман 1996: 76].

В современной лингвистике лексические единицы, соотносимые с понятиями «смелость» и «трусость», рассматриваются не только в плане их семантики, но и с точки зрения пересечения в них эмоционального и социального содержания. Слова, «соотносимые с семантикой трусости и содержащие в своих значениях компоненты *страх*, *боязнь*, в большей степени связаны с эмоциональным состоянием человека, чем их оппозитивные корреляты *смелость*, *храбрость*, *героизм*, *мужество*, *отвага*, *удаль*, имеющие социальный смысл [Плотникова 2016: 580].

Согласно исследованиям в области лексикологии и семантики, данные номинации входят в состав более широких семантических полей, их значение определяется особенностями контекстуального и стилистического употребления. Это, в частности, показано в работе Т.М. Фадеевой «Психологические сложные эпитеты русского языка». В статье анализируются семантические оппозиции, в том числе оппозиция «смелость — трусость», которая «определяет психологические состояния, номинируемые лексемами *смелость*, *удаль*, *трусость*, *страх*» [Фадеева 2013: 346]. Ю.С. Степанов пишет о двух видах страха: это страх, соединенный с ненавистью, — перед властью и насилием, и «тот страх» — перед вечностью и самим бытием [Степанов 2004: 894].

Слова, называющие качества характера человека, занимают особое место в творчестве любого поэта или писателя. Эта лексика наиболее выразительна в поэтических текстах. Интересующая нас оппозиция ярко представлена в поэме Пушкина «Руслан и Людмила». Слова и словосочетания с семантическими компонентами ‘смелость’ и ‘трусость’ встречаются в поэме 182 раза: со значением «смелость» 137 лексем и «трусость» — 45 лексем (существительные, прилагательные, глаголы и наречия).

Лексико-семантическое поле «**смелость**» в поэме представлено следующими словами и словосочетаниями:

1. Существительные и перифразы (116):

смелый человек (108): *витязь* (66), *герой* (23), *богатырь* (11), *рыцарь* (4), *удалец* (1), *воитель* (1), *кровавых битв искатель* (1), *питомец битвы* (1);

смелость (4): *дерзость* (2), *мужество* (1), *геройство* (1).

2. Прилагательные (22):

смелый (5), *храбрый* (4), *бесстрашный* (2), *дерзкий* (1), *удалой* (3), *доблестный* (2), *дерзновенный* (1), *богатырский* (2), *лихой* (2).

3. Глаголы и глагольные сочетания (3):

мужаться (1), *искать опасностей* (1), *оставить страх* (1).

4. Наречия (4):

смело (1), *отважно* (1), *дерзко* (1), *бестрепетно* (1).

В лексико-семантическое поле «трусость» входят следующие слова:

1. Существительные (9):

Трусливый человек (1): *трус* (1).

Трусость (8): *робость* (1) *боязнь* (4), *страх* (2), *трепет* (1).

2. Прилагательные (14):

трусливый (1), *робкий* (4), *пугливый* (1), *трепетный* (2), *испуганный* (4), *боязливый* (1), *бледный* (1).

3. Глаголы и глагольные сочетания (19):

трусить (1), *трепетать* (3), *дрожать* (4), *не сметь* (8), *обмирать* (1), *скорчиться от страха* (1), *страшиться* (1).

4. Наречия (3):

робко (1), *боязливо* (2).

Лексико-семантическое поле «смелость» в поэме чаще всего представлено словами *витязь* (66), *герой* (23) и *богатырь* (11). Ср. словарные толкования указанных слов: *витязь* — трад.-поэт. «храбрый воин; богатырь» (МАС); «храбрый и удачливый воин, доблестный ратник, герой, воитель, рыцарь, богатырь» (Даль). Как видим, у В.И. Даля объединены в этой словарной статье все три номинации. Слова *рыцарь* и *воитель* мы рассмотрим позже. *Витязь* в основном используется для описания главного героя — Руслана, часто в сочетании *наш витязь* или *мой витязь*. Три его соперника — Рог-

дай, Ратмир и Фарлаф — тоже именуются *витязями*:

*В уныньи, с пасмурным челом,
За шумным, свадебным столом
Сидят три витязя молодые!*... (с. 14).

К Руслану, как правило, относится и слово *герой*: он не боится опасностей и трудностей, верен в любви: *Руслан, сей витязь беспримерный, / В душе герой, любовник верный* (с. 66). Слова *витязь* и *герой* часто употребляются в поэме совместно:

*Но вскоре вспомнил витязь мой
<Руслан>*,

*Что добрый меч герою нужен
И даже панцирь; а герой
С последней битвы безоружен* (с. 51).

Действия Руслана, его приключения являются основой сюжета поэмы. Большое место отведено описанию испытаний, выпавших на долю Руслана, и нескольких битв, в которых он участвовал. Это поединок с Рогдаем, встреча с Головой на страшном поле боя, бой с Черномором, битва при защите города:

*Преграды новые встречает:
То бьется он с богатырем,
То с ведьмою, то с великаном,
То лунной ночью видит он...* (с. 66).

В поэме четыре раза употреблено слово *рыцарь*, причем три раза по отношению к Руслану. Как отмечает Л.Н. Пушкирев, реформы Петра I, привнесшие в русское общество западноевропейскую доблесть, вызвали слияние стилистически противоположных литературных жанров. При этом элементы рыцарства и храбрости, характерные для западноевропейских рыцарских сказаний, усиливались на

¹ Примеры даются по изданию: А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т.: К 150-летию со дня рождения / АН СССР, Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). — М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950 (Т. 4: Поэмы. Сказки).

русской почве, и сами рыцарские сказания постепенно превращались в России в героические повести, а затем в народные сказки [Пушкарев 1980: 63, 69].

Пушкин переносит образ рыцаря на русскую почву. Это можно показать на примере финала битвы Руслана и Черномора, где Черномор сдается Руслану: «*О рыцарь, сжался надо мной...*» (С. 74). Руслан отвечает:

*«Теперь ты наш: ага, дрожишь!
Смирись, покорствуй русской силе!
Неси меня к моей Людмиле»* (с. 74).

Словосочетание *русская сила* имеет здесь символическое значение: победа Руслана олицетворяет стойкость духа, мужество и героизм русского народа. Кроме того, в поэме несколько раз встречается слово *наездник*, и оно может рассматриваться как синоним слова *рыцарь*. Например, в сцене поединка Руслана и Рогдая:

*«Ага! догнал тебя! стой! —
Кричит наездник удалой: —
Готовься, друг, на смертну сечу;
Теперь ложись средь здешних мест;
А там ищи своих невест»* (с. 33–34).

Здесь прилагательное *удалой* (наделенный безудержной, лихой смелостью), как и многие другие синонимы слова *смелый*, усиливает семантику определяемого слова: *воитель смелый, наездник удалой, доблестный Руслан, меч богатырский, бесстрашный витязь* и др. Заметим, что слово *храбрый* встречается во всей поэме 4 раза, причем 3 раза Пушкин употребляет это слово при описании характера главного героя Руслана: *храбрый Руслан* (с. 13), *храбрый князь* (с. 52), *храбрый витязь* (с. 80).

Адъективные словосочетания «представляют собой одну из самых продуктивных и регулярных атрибутивных конструкций в поэмах А.С. Пушкина» [Хлопьянов 2008: 12].

Храбрость и бесстрашие, бескомпромиссность и в то же время умение прощать обиды помогли Руслану завоевать Людмилу и защитить ее в борьбе с соперниками. Напутствия Головы и Финна также крайне важны для него.

*Вперед! мечом и грудью смелой
Свой путь на полночь пробивай* (с. 20).
*Мужайся, князь! В обратный путь
Ступай со спящею Людмилой;
Наполни сердце новой силой,
Любви и чести верен будь* (с. 77).

При создании поэмы Пушкин вдохновлялся героическим эпосом, на что указывал в своей статье Б.Г. Ахметшин [Ахметшин 1999: 60–61]. Это подтверждается и подвигом Руслана, который этим спасает от нашествия печенегов не только свою любимую невесту, но и родной город:

*Он рыщет с карлой за седлом
Среди испуганного стана* (с. 82).

Любовь — главная тема в творчестве Пушкина. Когда Людмила исчезла, Руслан подумал, что она умерла, и его охватил страх:

*... В сих мечтах
Он погружен. С немой тоскою
Поникнул витязь головою;
Его томит невольный страх...* (с. 76).

Этот страх представлен через метафорическое описание внутреннего состояния героя. Образы *дикого пламени* и *яда* передают его эмоциональные переживания, вызванные мыслями о неудачных поисках Людмилы и о ее возможной смерти:

*Недвижим он, как мертвый камень;
Мрачится разум; дикий пламень
И яд отчаянной любви
Уже текут в его крови* (с. 76).

Отметим, что чувство страха часто сопровождается в поэме Пушкина физическими реакциями: *сердце замерло, дрожит, холодных рук* (с. 87);

замерла душа, с лица катится пот
остылый; трепеща, хладною рукой
(С. 11) и т. д.

Во многих эпизодах Пушкин показывает любовь как источник смелости:

Бесстрашный витязь невредим;
В его душе желанье дремлет,
Он их не видит, им не внемлет,
Одна Людмила всюду с ним (с. 67).

Во имя любви Руслан бесстрашно сражается с соперником Рогдаем, которого Пушкин наделил силой русского богатыря, рыцарством:

Один — Рогдай, **воитель смелый**,
Мечом раздвинувший пределы
Богатых киевских полей (с. 14).
С кем бился **доблестный** Руслан:
То был **кровавых битв искатель**,
Рогдай, надежда киевлян,
Людмилы мрачный обожатель (с. 44).

Наиболее яркими чертами характера Рогдая были воинственность и неукротимость, он высоко ценит себя и считает Руслана трусом по сравнению с собой. Например, когда он хотел устроить дуэль с Русланом, сказал: «Погибни, **трус!** умри!» (с. 31). Он бесстрашен перед лицом жизни и смерти:

Рогдай весельем закипел
И к верной **смерти** полетел (с. 31).

У Рогдая иное, чем у Руслана, проявление любви к Людмиле. Хотя он также испытывает тревогу и страх, узнав, что Людмила попала в плен, он боится неизвестной судьбы и мучается от ревности к Руслану:

Рогдай угрюм, молчит — ни слова...
Страшась неведомой судьбы
И мучась ревностью напрасной,
Всех больше беспокоен он (с. 18).

Пушкин с иронией рассказывает об этом своем герое. В конце Рогдай трагически погибает на дуэли с Русланом:

Он вдоль днепровских берегов
Искал соперника следов;

Нашел, настиг, но прежняя сила
Питомцу битвы изменила,
И Руси древний **удалец**
В пустыне свой нашел конец (с. 44).

Пушкин в одном из лирических отступлений пишет о том, что хотел бы отдавать предпочтение только хорошим качествам человека, воспевать подвиги героев, любовь и дружбу, но вынужден обнажать и человеческие пороки:

Зачем судьбой не суждено
Моей непостоянной лире
Геройство воспевать одно
И с ним (незнаемые в мире)
Любовь и дружбу старых лет?
Печальной истины поэт,
Зачем я должен для потомства
Порок и злобу обнажать
И тайны козни вероломства
В правдивых песнях обличать? (с. 71).

С характером Рогдая резко контрастирует характер Фарлафа. В поэме Фарлаф играет отрицательную роль, основными чертами его личности являются трусость, подлость и хвастовство:

Другой — Фарлаф, крикун надменный,
В пирах никем не побежденный,
Но воин скромный среди мечей (с. 14).

Отношение Фарлафа к жизни и смерти совершенно иное, чем у Рогдая, что еще больше подчеркивает робость и трусость Фарлафа:

А наш Фарлаф? Во рву остался
Дохнуть не смея; про себя
Он, лежа, думал: жив ли я?
Куда соперник злой девался? (с. 42).

Пушкин с явной неприязнью относится к Фарлафу, несмотря на то что называет его **доблестным**. Описание ряда поступков Фарлафа, его рыцарство, как и при характеристике Рогдая, пронизано авторской иронией:

Но **робкий** всадник вверх ногами
Свалился тяжело в грязный ров,
Земли не взвидел с небесами
И смерть принять уж был готов (с. 31).

Подлость Фарлафа заключается в том, что он убил копьем спящего Руслана, похитил Людмилу и увез ее в Киев, присвоив себе подвиг Руслана. Всё это явно противоречит образу «доблестного» Фарлафа. К людям, обладающим такими качествами, как трусость и подлость, у Пушкина совершенно определенное отношение. Это можно показать на конкретном примере:

*Изменник, ведьмой ободренный,
Герою в грудь рукой презренной
Вонзает трижды хладну сталь...
И мчится боязливо вдаль
С своей добычей драгоценной* (с. 88).

Пушкин показывает также трусливый нрав Фарлафа, используя уничижительные лексические средства:

*И бледный близ него Фарлаф
В немом раскаяньи, в досаде,
Трепещет, дерзость потеряв* (с. 93).

В пушкинском представлении сила мужчины — синоним его уверенности [Тарасова 2007: 17], поэтому не случайно в поэме Людмила большую часть времени проводит в ожидании своего спасения Русланом. Ей присущи женская ранимость и робость, но в то же время прекрасные качества храбрости и силы. Однако, когда Людмила оказывается во власти ужасного Черномора, ее охватывает паника. Чтобы подробно описать состояние плененной Людмилы, Пушкин использует яркие эпитеты (*страшный замок, безмолвна, трепетна, бледна* — о Людмиле, *мертвое молчанье*), метафоры (*помертвела, трепетанье сердца*) и сравнения (*дрожит как лист*):

*Ты чувств и памяти лишилась
И в страшном замке колдуна,
Безмолвна, трепетна, бледна,
В одно мгновенье очутилась* (с. 34).
*Зовет и помертвела вдруг.
Глядит с боязнию вокруг* (с. 35).
Что ж наша пленница теперь!

*Дрожит как лист, дохнуть не смеет;
Хладеют перси, взор темнеет;
Мгновенный сон от глаз бежит;
Не спит, удвоила вниманье,
Недвижно в темноту глядит...
Всё мрачно, мертвое молчанье!
Лишь сердца слышит трепетанье...
И вдруг... о страх!..* (с. 42).

Слова, обозначающие смелость и трусость, часто сочетаются у Пушкина с глаголами и существительными со значением зрительного восприятия: *робко озирая* (с. 32), *с боязнию глядит* (с. 87); *дерзкий взор* (с. 22). Особое значение приобретает и лексика слухового восприятия: звук или его отсутствие ассоциируются с робостью: *робкий голос* (с. 66), *робкие стенанья, тишина боязни* (с. 96).

Тем не менее Людмила не боится Черномора и отчаянно сопротивляется, не желая снова становиться его пленницей. Главный источник ее смелости — это любовь, которая делает ее бесстрашной:

*«Вдали от милого, в неволе,
Зачем мне жить на свете боле?
О ты, чья гибельная страсть
Меня терзает и лелеет,
Мне не страшна злодея власть:
Людмила умереть умеет.»* (с. 40).

Финна, в отличие от Руслана и Людмилы, любовь делает робким:

*Я с трепетом открылся ей,
Сказал: люблю тебя, Наина.
Но робкой горести моей
Наина с гордостью внимала...* (с. 22).

Финн решает завоевать любовь Наины своими военными подвигами. Он был храбр на поле боя, и у него были отважные помощники: *смелые рыбаки, бесстрашные земляки* (с. 23). При описании храбрости Финна автор использует ряд словосочетаний: *страх оставя за собой* (с. 20); *страшились дерзости моей* (с. 23); *искать опасностей* (с. 23).

Это обогащает смысловую структуру текста и подчеркивает храбрость Финна, которого боятся враги.

Пушкин рисует образ Черномора в оценке Финна:

*Ревнивый, **трепетный** хранитель
Замков безжалостных дверей... (с. 20).*

При этом в поэме описывается несколько ситуаций, в которых Черномор испытывал страх:

когда Людмила выхватывает у него шапку-невидимку: ***Трепеща**, скорчился бедняк, / Княжны испуганной бледнее; / Зажавши уши поскорее, / Хотел бежать, но в бороде / Запутался, упал и бьется (с. 43);*

когда Руслан понял, как его победить: ***Боязнь** объемлет Черномора; / В досаде, в горести немой ... (с. 74);*

когда он увидел своего брата, которому причинил зло: *Дрожащий карлик за седлом / **Не смел дышать**, не шевелился / И чернокожым языком / Усердно демонам молился (с. 81).*

Характеры Черномора и его младшего брата в поэме противопоставлены. Черномор завидовал силе и мужеству своего брата, за что превратил его в гигантскую говорящую Голову. После того как Руслан его схватил, коварный чародей говорит Руслану: «*Младое мужество любя, / Забуду всё, прощу тебя*» (с. 93), но эти слова не соответствуют тому, как он поступил со своим братом.

В контекстах, где показаны эмоции простых людей в отношениях с человеком более высокого положения, часто встречается выражение *не сметь*. Например, *боязливые* невольницы, боясь Черномора, могли только продолжать искать принцессу в шапке-невидимке: *И день и ночь, сидеть не смея (с. 67).*

Кроме того, можно увидеть реакцию толпы на гнев старого князя:

*И так же гневен старый князь,
Как в день ужасный расставанья,*

*И все сидят не шевелясь,
Не смея перервать молчанья (с. 86).*

В поэме показано, что благоговеи-ый страх может внушать также природа, причём не только людям, но и представителям мира животных:

*Не вьются птицы, лань **не смеет**
В жар летний пить из тайных вод (с. 94).*

Не случайно В.В. Виноградов пишет, что в «Руслане и Людмиле» прием сравнения основан «отчасти на принципе комического приравнения поступков героев к действиям животных и птиц» [Виноградов 1941: 218]. В поэме есть две такие аналогии. Первая заключается в контрасте качеств Фарлафа и Рогдая. Автор сравнивает Фарлафа с зайцем, а Рогдая с охотничьей собакой, черты характера этих героев ярко отражены в образах и действиях животных:

*Фарлаф, узнавши глас Рогдая,
Со страха скорчась обмирал,
И, верной смерти ожидая,
Коня еще быстрее гнал.
Так точно заяц торопливый,
Прижавши уши боязливо,
По кочкам, по лем, сквозь леса
Скачками мчитса ото пса... (с. 30).*

Вторая аналогия с поведением животных использована в описании Людмилы, которая сравнивает Руслана со спесивым петухом, а себя — с трусливой и бедной курицей:

*Когда за **курицей трусливой**
Султан курятника спесивый,
Петух мой по двору бежал
И сладострастными крылами
Уже подругу обнимал (с. 34–35).*

Для описания военной сцены Пушкин использует словосочетания *рать удалая* и *русских витязей* молитвы. Реакция же горожан на эту битву представлена как высшая степень страха:

*Там, устремив на нивы взор,
Народ, уныньем пораженный,*

*Стоит на башнях и стенах
И в страхе ждет небесной казни;
Стенанья робкие в домах,
На стогнах тишина боязни...* (с. 96).

Иначе характеризуется в этой сцене поведение доблестных воинов: *И храбрый сонм богатырей / С дружной верною князей / Готовится к кровавой битве* (с. 96). Эта сцена способствует развитию сюжета, углубляет тему антагонизма трусости и доблести: трусость приводит к конфликту, смелость способствует его разрешению.

Таким образом, на основе анализа оппозиции «смелость — трусость» в поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» мы приходим к выводу, что автор формирует в своем произведении сложную систему смысловых ассоциаций, в которой противопоставление смелости и трусости становится эффективным инструментом создания композиционной целостности произведения.

В эпизодах поэмы, связанных с подвигами Руслана или с переживаниями Людмилы, использование этой оппозиции способствует усилению драматизма сюжета.

Перенос духа отважного рыцарства на родную почву позволяет Пушкину ярко раскрыть русский национальный характер и героизм русского народа, способность его преодолевать препятствия, освобождать Родину от врага, приближать торжество добра над злом. Наблюдая за использованием Пушкиным синонимов в поэме «Руслан и Людмила» слов и их контекстуальных эквивалентов, принадлежащих лексико-семантическим полям «смелость» и «трусость», мы отчетливо видим связь этих понятий с категориями жизни и смерти, добра и зла, что позволяет приблизиться к осознанию всей глубины и актуальности для наших дней мировоззрения великого поэта России.

Литература

1. Ахметшин Б.Г. Сказочные и эпические мотивы поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» // Вестник Челябинского государственного университета. 1999. Т. 2. № 2. С. 60–67.
2. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1941. 620 с.
3. Климова Ю.А. Имя прилагательное как репрезентант концепта «качество» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Белгород, 2008. 19 с.
4. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста / Ю.М. Лотман; М.Л. Гаспаров. СПб.: Искусство—СПб, 1996. 846 с.
5. Плотникова А.М. Эмоциональная и социальная семантика слова: векторы пересекаемости // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докл. и сообщ. Междунар. научн. конференции, посвящ. юбилею Л.Г. Бабенко, 28–30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 578–585.
6. Пушкирев Л.Н. Сказка о Еруслане Лазаревиче. М.: Наука, 1980. 183 с.
7. Ревзина О.Г. Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка // Критика и семиотика. Вып. 7. Новосибирск, 2004. С. 11–20.
8. Станиславская С.А. Контраст как принцип организации поэтического текста (на материале ранней поэзии А. Ахматовой и Н. Гумилева): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. 21 с.

9. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
10. Тарасова Л.В. Поэма «Руслан и Людмила» как выражение авторской позиции А.С. Пушкина в контексте русской литературной традиции конца XVIII — первой четверти XIX веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Воронеж, 2007. 19 с.
11. Фадеева Т.М. Психологические сложные эпитеты русского языка // Вестник ТГУ. 2013. № 12 (128). С. 343–348.
12. Хлопьянов А.В. Лингвопоэтическое исследование атрибутивных словосочетаний в поэмах А.С. Пушкина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2008. 26 с.

Lexical-semantic fields “courage” and “cowardice” in A.S. Pushkin’s poem “Ruslan and Lyudmila”

Olga N. Grigorieva,

Ph. D. in Philology, Associate Professor

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

E-mail: lonogrig@mail.ru;

Gaoyuan Hao,

Post-graduate student

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

E-mail: 947922671@qq.com

The article is devoted to the description of the lexical-semantic fields “courage” and “cowardice” in Pushkin’s poem “Ruslan and Lyudmila” and to identifying the role of units of these fields in the depiction of the characters and developing of the plot. The purpose of the study is to determine the features of the functioning of words related to the concepts “courage” and “cowardice” in a literary text using Pushkin’s work as an example. The semantic opposition “courage — cowardice” is one of the most significant in the poem, it reflects the moral values of the poet and his attitude to life and death.

Key words: A.S. Pushkin, lexical-semantic field, semantic opposition “courage — cowardice”, functions of lexical means in the structure of the poem “Ruslan and Lyudmila”.

*Статья подана 11 июля 2025 г.
Одобрена к публикации 21 ноября 2025 г.*

DOI: 10.18572/2687-0339-2026-1-21-29

Художественная антропология культурного пограничья в «Петербургских зимах» Георгия Иванова

Мария Каиржановна Лопачева,

кандидат филологических наук, доцент, доцент

Санкт-Петербургский государственный институт культуры

(Санкт-Петербург, Россия)

ORCID: 0000-0001-7411-0630

E-mail: lopacheva03@mail.ru

В статье рассматривается персонажный ряд книги Георгия Иванова «Петербургские зимы» — одной из интерпретаций «петербургского мифа». Высказано предположение, что ряду героев автор умышленно придает черты трикстера, а сама идея обмана, обманности Санкт-Петербурга, наследуемая писателем от Гоголя и Достоевского, как определяет структуру и жанровую природу текста, так и репрезентирует взгляд Иванова на изображаемую эпоху. Доказывается, что активизация психологического типа ловкача в литературной среде эмблематизирует для мемуариста «закат» эпохи модерна, персонифицирует культурное пограничье.

Ключевые слова: архетип, трикстер, модерн, Георгий Иванов, мемуары.

Тяжкий опыт «пребывания в торричеллиевой пустоте» эмиграции [Степун 1990: 293] сделал необходимым для русской диаспоры поиск духовной опоры, спасительного и возрождающего смысла существования. Многие художники и мыслители первой эмиграции такой смысл увидели в «петербургской идее». Именно она, с заложенными в ней антиномиями, «антитетической напряженностью» издавна привлекала, писал В.Н. Топоров, «некой максималистской установкой как на разгадку самых важных вопросов русской истории, культуры, национального самосознания, так и на захват, вовлечение в свой круг тех, кто ищет ответ на эти вопросы» [Топоров 2003: 7]. Одной из функций «петербургского текста» в качестве средства воплощения этой идеи с самого его зарождения было мифотворчество. Примером тому — «петербургский текст» первой эмиграции. В середине

1920-х годов литераторы первой волны эмиграции принялись за создание новых сюжетов мифа о Петербурге, — о его предреволюционной и ранней пореволюционной эпохе.

Георгий Иванов явился одним из главных слагателей этого мифа. И в лирике, и в прозе Иванова звучал он как «миф конца» петровского «парадиза», последних дней «блистательного Санкт-Петербурга» [Агнивцев 1989: 3].

Наиболее развернуто ивановское воплощение переместившейся в «четвертое измерение», уходящей в Лету эпохи представлено очерками «Петербургские зимы», печатать которые эмигрантская периодика начала с января 1926 г. Отдельной книгой «полубеллетристические фельетоны», как называл их автор, впервые были изданы в Париже, в 1928 г. Совершенно в духе «петербургской идеи» череда очерков о представителях столичной богемы у Иванова дана

в русле главной темы — «заката» исчезавшей на глазах автора великой культуры.

Черты архетипического эсхатологического мифа о гибельной участи северной столицы — участи «Титаника» или Атлантиды — проступают с первой страницы книги: «К 1920-му году Петербург тонул уже почти блаженно» [Иванов 1994: 6]. Однако память, убежден Иванов, должна сохранить для будущего и этот момент угасания «Петербурга незабываемого».

Как один из очевидцев трагедии, автор, однако, не становится в позицию хроникера, но с самого начала предлагает читателю некую игру, балансирует на грани достоверности и вымысла, факта и обмана.

Сама идея обмана, обманности, миражности Санкт-Петербурга, наследуемая писателем от Гоголя и Достоевского, как определяет структуру и жанровую природу текста, так и репрезентирует взгляд Иванова на изображаемую эпоху. Атмосфера пред- и по-революционной столичной реальности пропитана в «Петербургских зимах» типично «достоевской» возбужденностью, экзальтацией, почти мистицизмом.

Мотив города «умышленного», провоцирующего убийц и самоубийц, «построенного на косточках русских» и в силу этого обреченного на неотменимый конец, заявлен в открывающей книгу таинственной истории о Илье Назаровиче, странном гумилевском сапожнике — философе и «чертопоклоннике», чьи речи были услышаны в полусне повествователем. Персонаж этот — сублимация «петербургских мороков, марев, горячечного бреда» [Топоров 2003: 9], обострение которых, по Иванову, знаменовало скорый трагический финал.

Ускользающей от рационального взгляда метафизикой Петербурга про-

диктованы у Иванова столь же трудно определяемая стилистика и энигматическая жанровая природа книги. Попыток определить жанр «Петербургских зим» и творческую установку их автора после выхода текста сделано немало. В эмигрантской критике «Петербургские зимы» именовались записками и очерками, карикатурами и даже «полугрезами» (Д. Святополк-Мирский), М. Алданов назвал жанр книги «трудным» (см. подробнее: [Арьев 2009: 234]). Современные исследователи сходятся в целенаправленном истолковании произведения Иванова как «гибридного» текста, «на рубеже автобиографического и фикционального дискурсов» (см. [Lazzarin 2012], [Аксенова 1994], [Тименчик 1994], [Барковская 2000], [Лопачева 2017] и др.). Н.Ю. Грякалова отмечает, что в тексте «Петербургских зим» колеблются границы «между фактом и фикцией, вымыслом и реальностью, превращая мемуарное повествование в квазимемуарное» [Грякалова 2010: 380].

Сам автор с первых строк книги дает подсказки, в каком ключе воспринимать этот обманчиво-мемуарный текст. Одна из них — подчеркнутая интертекстуальность начальных страниц, насыщенных поэтическими аллюзиями (Ахматова, Ходасевич, Зоргенфрей, Мережковский и др.), которая, по мнению Н. Богомолова, указывает на то, что, с одной стороны, «это мемуары, с названием конкретных лиц (время от времени скрытых за инициалами); с другой — текст, построенный на сквозных цитатах, когда даже обычные описания кажутся заимствованными из разных стихотворений разных поэтов; наконец, это сугубая беллетристика, вовсе и не рассчитанная на скольконибудь соотносимое с жизнью прочтение» [Богомоллов 2004: 336].

Другая подсказка — появление уже на первых страницах, в первой же за-

рисовке, упомянутого выше старичка-чертопоклонника, который ведет двойную жизнь — ночную, гробокопательскую, и дневную, мирную жизнь сапожника. Можно принять этого Илью Назаровича за медиатора, причастного к сакральному: кроме признания в странных кладбищенских делах с «покойничками», видимая сторона его возможных контактов с другим измерением — распространение текста молитвы Люциферу, проповеднические рассуждения о «Нем». Вместе с тем наметившийся было инфернальный мотив, погружение в атмосферу охватывающих Петербург «мороков», снимается вполне реальным, почти бытовым, но не менее жутковатым финалом истории о Илье Назаровиче — он будет расстрелян за спекуляцию спиртом.

Иными словами, автор не демонизирует город, но готовит читателя к особой оптике — восприятию многомерности его панорамного изображения, амбивалентности, предупреждая о двоящейся реальности, ускользающих очертаниях как городских пейзажей, так и характеров и судеб обитателей столицы. Петербург Иванова — это сублимация переходной эпохи, социального и культурного пограничья.

Облик описываемой культурной эпохи репрезентируется у Иванова многочисленными городскими пейзажами и различными локусами (литературно-артистические кабаре, рестораны, тайные квартиры, особняки и даже здание ЧК на Гороховой), но, прежде всего, персонажами, населяющими страницы книги. Его герои — известные и неизвестные писатели, критики, окололитературная богемная публика, случайные знакомые.

В чередобитателей этого пограничья в книге Иванова обращают на себя внимание герои с явно проступающими чертами архетипа трикстера.

«Петербургские зимы» — наглядное подтверждение того, что в переломные, лиминальные моменты истории на передовые рубежи культуры зачастую проникает этот тип героя времени, легко осваиваясь, сохраняя особенную активность и витальную энергию в периоды пошатнувшихся устоев и норм, «когда общество перенасыщено цинизмом и сознает это» [Липовецкий 2009: 244], а частотность появления трикстеров в литературе таких эпох — своеобразная форма реализации избыточности цинизма, а также возможного поиска новых решений, исследование жизненных перспектив, ибо, по словам В.Н. Топорова, явление такого героя подчинено некоей сверхцели, «что стоит за пределами (выше) тех целей, для решения которых коллектив выбрал вполне определенные типовые (стандартные) схемы» [Топоров 1987: 6].

Трикстер (от англ. *trickster* — ‘обманщик, ловкач, хитрец’) основательно представлен в научной литературе. Образу трикстера посвящено множество исследований в различных областях знания: антропологии, философии, психологии, социологии, филологии. Трактовки данного понятия дополняют, опровергают, уточняют одна другую, как бы подтверждая амбивалентную природу самого типажа. Образ лицедействующего обманщика как архетип рассматривали П. Радин [1999], К.-Г. Юнг [1996], Е. Мелетинский [1994], как культурную манифестацию — У. Хайнс и У. Доти [Хайнс, Доти 1993], о мифологической природе образа писали М. Бахтин [1975], М. Элиаде [2021], В. Топоров [1987], вплоть до современных исследований М. Липовецкого [2009], В. Самойловой [2012], В. Чекушина [2019], И. Плехановой [2014], Н. Ковтун [Ковтун 2022] и др. «И, как правило, классический трикстер сочетает в себе всю противоречивую сумму

определений, демонстрируя их миру в момент предъявленных миром испытаний», — констатирует Н.В. Ковтун, автор недавней монографии, в которой образ плута основательно рассмотрен на материале русской литературы XX–XXI веков [Ковтун 2022: 8]. Суммируя выделяемые в современных работах черты образа, автор исследования предлагает свою парадигму признаков героя, на которую в дальнейшем будет ориентирован предлагаемый в данной статье анализ персонажей Г. Иванова.

Н.В. Ковтун выделяет следующие типовые признаки трикстера: «Амбивалентность образа, вмещающего прямо противоположные черты и признаки, сакральное и демоническое, божественное и человеческое, живое и кукольное, природное и искусственное. <...> Особая витальность трикстера, обусловленная в том числе его свободой от условностей, связанностью со стихией смеха ... <...> Трикстер как медиатор, проникающий через все преграды, соединяющий в речи, поведении ритуалы, языки различных культур. <...> Лиминарность, ситуативность трикстера, обитающего в промежуточных, гетеротопических пространствах. <...> Трикстер — лицедействующий герой, органично связанный с творческим началом, художественным жестом, фокусом — игрой, что отличает его от классического плута, заботящегося только о своей выгоде. <...> Трикстер обязательно связан (прямо или косвенно) с сакральным контекстом, с пророчеством, визионерством...» [Ковтун 2022: 13–23].

Г. Иванов создает в «Петербургских зимах» целую галерею героев, вполне соотносимых с парадигмой трикстера. Активизацию такого социально-психологического типа, судя по всему, художник считал симптоматичной, подтверждавшей катастрофичность общекультурной ситуации. Безуслов-

но, автор далек от мысли о преобладании в предреволюционной литературной среде шутовской, плутовской стратегии поведения. В книге немало очерков, мастерски рисующих портреты подлинных художников, чье творчество Иванов высоко ценил. Эти главы наполнены искренним восхищением и даже нежностью к героям — Блоку, Гумилеву, Мандельштаму, Есенину, Кузмину, Сологубу..

Но даже на этих страницах часто звучит эпитет «странный». В книге Иванова он инвариантен, маркирует не только интригующую черту личности, но и своего рода отмеченность героя эпохой, его принадлежность времени фриков и трикстеров. «В тумане бродят *странные* люди... (курсив мой — М. Л.)» [Иванов 1994: 32].

Так, обладатель «самого чистого, самого “ангельского” дара» [Иванов 1994: 87] Осип Мандельштам «одет странно». Удивляется повествователь и контрастам в его натуре: «Смешлив и обидчив» [Там же]. Каждое появление на страницах книги Михаила Кузмина сопровождает упоминание его поблескивающих «странных глаз» [Иванов 1994: 149, 151 и др.]. В Есенине, «наследнике Пушкина наших дней» [Иванов 1994: 154], автор поражается загадочному соединению крайностей: простое, «милое» лицо — и фальшивая «сусальная “народность”», хулиганство — и участие в клюевских «странных» разговорах «о Книге Голубиной, о магните сердечном» [Иванов 1994: 129]. Все странности этих людей традиционны, заключает повествователь устами старухи-чиновницы: «...в поэты, известно, публика идет, извиняюсь, не того...». И автор соглашается: «...действительно, не того — странная, шалая, беспокойная» [Иванов 1994: 109].

Иную коннотацию имеет эпитет «странный» в применении к явным плу-

там. Автор не скрывает иронии, отмечая их умышленное оригинальничание, шутовские провокативные практики. Череда таких героев неоднородна. Есть трикстеры по своей человеческой природе (В. Нарбут, А. Тиняков, Р. Ивнев, С. Городецкий), есть рациональные манипуляторы (Н. Клюев, Б. Садовский, Л. Рейснер, поэт Ц.), есть экзальтированные любители опасных экзистенциальных экспериментов (Л. Каннегисер, А. Лозина-Лозинский), мистификаторы (Л. Каннегисер, Р. Ивнев) и даже политические оборотни (Р. Ивнев, А. Тиняков, Л. Рейснер). Большая часть из них склонна к лицедейству с переодеваниями или подчеркнута небрежным внешним видом (Тиняков, Ивнев). Они интересуют повествователя в разных своих проявлениях; изображая их, автор персонифицирует общую карнавальную картину литературного Петербурга той поры. По большей части это люди богемы, изучая разные круги которой повествователь делает «странное» открытие: «Талантливых и тонких людей встречаешь больше всего среди ее подонков» [Иванов 1994: 36].

Примерно такую репутацию имел Александр Тиняков — талантливый поэт и асоциальный тип. В «Петербургских зимах» он упомянут вскользь, позже мемуарист напишет о нем очерк, но в книге появление его фигуры закономерно, она вписывается в знаковую, по Г. Иванову, парадигму плутов: шутовство, провокативные выходки, циничный черный юмор, подчеркнутая асоциальность, но и рациональность — по слухам, позднее, замечает повествователь, поэт сотрудничал с ЧК. В книге А. Тиняков представлен весьма выразительно: «Это был человек страшного вида, оборванный, обросший волосами, ходивший в опорках и крайне ученый. Он изучил всё, от клинописи до гипнотизма. Главным коньком его был

Талмуд...» [Иванов 1994: 82]. Тиняков был известен процитированными Ивановым ерническими стихами: «Любо мне, плевку-плевочку, / По канавке проплывать, / Скользким боком прижиться...» [Там же].

Портреты героев выполнены у Иванова в разноплановой жанровой технике. Какие-то близки к скетчу — см. зарисовки, характеризующие Тинякова, Лозина-Лозинского и других. Иные представляют собой развернутый очерк с фельетонным уклоном (о Ларисе Рейснер, Борисе Садовском, Рюрике Ивнев). Есть главы в стилистике новеллы (о гумилевском сапожнике, Леониде Каннегисере), есть типичные эссе (о Блоке и Гумилеве, Сологубе, Мандельштаме, Есенине).

В скетчевой манере написаны страницы, отведенные портрету Николая Клюева. Иванов видит в нем холодного, практичного и рационального стратега, продуманно поддерживающего свой имидж. По сути — это пример трикстерской стратегии: переодевания, актерствование, манипуляция молодыми умами поклонников и учеников, двойная жизнь. Встречавший не раз в салонах одетого в поддевку нарумяненного и набеленного поэта, твердо усвоившего от Сергея Городецкого «приемы мужичка-травести», повествователь с изумлением описывает «другого» Клюева: «Я как-то зашел к Клюеву. Клетушка оказалась номером “Отель де Франс”, с цельным ковром и широкой турецкой тахтой. Клюев сидел при воротничке и галстук и читал Гейне в подлиннике» [Иванов 1994: 69]. Вспоминая впечатление от замеченного и раньше странного соседства на одном лице «умных, холодных глаз» и «деланной сладкой, глуповатой улыбочки», автор саркастически завершает миниатюру цитированием по-мужички вдруг заговорившего читателя Гейне: «Маракую малость

по-басурманскому. <...> Куда нам, мужичкам, промеж господ? Знай, сверчок, свой шесток» [Там же]. Не угадывая будущей трагической судьбы большого поэта, Иванов видит в нем лукавство юродствующего трикстера. В немалой степени эта язвительная оценка вкупе с оброненной Есениным формулой — «ладожский дьячок» — на долгие годы определили образ Клюева в сознании не только читателей, но и исследователей его творчества.

Фельетонно представлена фигура Бориса Садовского. «Слабый поэт» и в то же время «цепная собака “Весов”» [Иванов 1994: 81], нашедший себя в критике, как пишет о нем Г. Иванов, поражен контрастами. Снова прибегая к лейтмотивной для всей книги визуальной детали в облике актерствующего и многоликого героя, автор неоднократно фиксирует внимание на «пронзительных, но ядовитых глазках под плешивым лбом» [Иванов 1994: 80], которые, несмотря на внешнее бесшабашное гусарство, свидетельствует Иванов, выдают в нем плута, ловкача.

Ироничен развернутый очерк о Владимире Нарбуте. По Г. Иванову, это авантюрист и искатель приключений, натуру которого снова выдает ивановский маркер ловкача — холодные «острые глазки», лукаво поблескивающие, и «обычная плутовская “хохлацкая” усмешка» [Иванов 1994: 113]. В нем, изумляется повествователь, парадоксально уживаются хулиган, напоминающий гоголевского Ноздрева, и тонкий эстет: «Я и не предполагал, как крепко сидит в этом кутиле и безобразнике страсть, наивная “страсть к прекрасному”» [Иванов 1994: 112].

Пытаясь осмыслить маскарадно-богемную, карнавальную атмосферу в культуре предреволюционной столицы из иного временного и пространственного измерения, Иванов находит некое

объяснение безмятежности и театральности литературного быта в природе самого искусства, ссылаясь на слова Сологуба: «Искусство — одна из форм лжи. Тем только оно и прекрасно. Правдивое искусство либо пустая обывательщина, либо кошмар. Кошмаров же людям не надо» [Иванов 1994: 140].

И второе объяснение безмятежной череды «маскарадов, вернисажей, пятничасовых чаев и полунощных сборищ» [Иванов 1994: 150]: по Иванову, это своего рода «пир во время чумы», а точнее — в преддверии ее, незадолго до того, как ворвется февраль 1917 года. А страшноватым предвестием это «резкой перемены температуры» в «оранжерейной затхлости жизни, “красивой” и беззаботной» [Там же] видятся Иванову трикстеры — провокаторы и ловкачи. Сгущение и оживление в социуме изломанных шутов и лукавцев — убедительный знак переходной эпохи.

Георгий Иванов хорошо их распознал, поскольку в самом художнике была заложена склонность к трансгрессии, он сам по сути в поздние годы, уже в эмиграции, являл тип трикстера *литературы исхода*, который, по мнению Н.В. Ковтун, как правило, «устанавливает, осознает границы своей идентичности, нарушает различные культурные табу, профанирует мифы (местные и свои собственные, персональные), балансирует на грани нескольких культур. <...> Такие лиминальные эмиграционные трикстеры — символы выживания, осваивающие зоны культурного пограничья» [Ковтун 2022: 32].

В Петербурге-Петрограде описываемой в книге поры это было всего лишь соблюдением правил некоей эстетской игры, в которой художник принимал участие (атрибуты ее — особенная, богемная, челка, изобретенная для него Судейкиным, вместо галстука — красный бант, надевавшийся для сбо-

риш и стыдливо снимаемый после). Но то было иное пограничье. В эмиграции, обернувшейся для Иванова экзистенциальным пограничьем, и своим творчеством, и социальным обликом, и опасной репутацией он, казалось бы, явил яркий пример трикстериады, во всяком случае, в восприятии части его современников. Таким, например, Иванов предстает в мемуарах Василия Яновского. Приверженец литературной «партии» В. Ходасевича не скупится на краски, явно демонизируя поэта: «Георгия Иванова, несмотря на его нравственное уродство, я считал самым умным человеком на Монпарнасе. Трудно сообразить, в чем заключался шарм этого демонического существа, похожего на карикатуру старомодного призрака... <...> Подчеркнуто подобранный, сухой, побритый, с неизменным стеком, котелком и мунштуком для папиросы. Кривая, холодная, циничная усмешка, очень умная и как бы доверительная: исключительно для вас!» [Яновский 1993: 119]. Называя Иванова «аморальным» и циничным, мемуарист признает его влияние на эмигрантскую молодежь, харизматичность и высочайшее поэтическое мастерство.

В судьбе и личности Г. Иванова, в его творческой стратегии периода зрелости можно увидеть еще одно свойство трикстера — способность соединять эгоцентричность и склонность к трансгрессии, к «трате», к «жертвоприношению». Типичный «человек модерна» (Н.Ю. Грякалова), Г. Иванов позволял себе провокативные жесты, как в текстах, в эстетическом поле, так и в социальной среде. Не изменял он своей культурной родословной и в эмиграции, следуя той программной логике, по которой искусство «аффекта должно было стать искусством эффекта, в предельной своей стадии достигая эстети-

ческого шока» [Грякалова 2008: 20], что наделяло художника опытом переступания границ, опытом предела.

Г. Иванов в совершенстве овладел этим искусством и до конца был носителем такого трансгрессивного мироощущения, а в его эмигрантской судьбе прочитывается не просто трикстериада, но случай осуществленного ритуала потлача. И это нашло выражение не только в драматичных бытовых обстоятельствах финальной части его жизни, не только в эпатажных выходках, пугавших парижские литературные круги эмигрантов, но в самом содержании его произведений: «Распаде атома», поздней лирике и особенно в последних поэтических циклах «Дневник» и «Посмертный дневник», которые предельно откровенно транслируют состояние сознания, пребывающего в процессе, как писал в «Жертвоприношениях» о потлаче Ж. Батай, «мучительного исчезновения Я из мира», когда человеку «только на смертном пределе откроются с неистовством терзания, составляющие саму природу безбрежно свободного и превосходящего “то, что существует” Я» [Батай 2006: 272].

Таким образом, в ивановской интерпретации «петербургского мифа» интенциональной становится идея двойственности, обмана. В Петербурге-Петрограде Г. Иванова, как и в гоголевской столице, всё двоится, тонет в «особенном тумане». Неоднозначны и многочисленны персонажи книги, в карнавальной череде которых авторский взгляд настойчиво фиксирует разнообразных плутов — лицедеев и манипуляторов. Эта многонаселенность «Петербургских зим» трикстерами, с одной стороны, эмблематизирует «закат» петербургской культуры модерна, знаком которого становится некий хаос, переживаемое свидетелями его ощущение иллюзорности устоявшихся

норм — благодатные условия для активизации этого типажа.

С другой стороны, всматриваясь в фигуры изломанных актерствующих лукавцев, Иванов исследует стратегии самопрезентации действующих лиц уходящей культуры модерна, а в по-

луреальных-полувыдуманных героях очерков эксплицирует результаты своих попыток осмысления самого феномена искусства, соотношения в нем фикционального поля и подлинной реальности, продуманной театральности и естественности.

Литература

1. Агнивцев Н.Я. Блистательный Санкт-Петербург: Репринтное воспроизведение издания 1923 года. М.: Книга, 1989. — 66 с.
2. Аксенова А. Метафизика анекдота или семантика лжи // Литературное обозрение. 1994. № XI—XII. — С. 51—61.
3. Арьев А. Жизнь Георгия Иванова. Документальное повествование. СПб.: ЗАО «Журнал "Звезда"», 2009. — 488 с.
4. Барковская Н. «Петербургские жанры» в творчестве Г. Иванова // Русская литература XX века: направления и течения. — 2000. — V. С. 139—140.
5. Батай Ж. Жертвоприношения // Предельный Батай: Сб. статей / Отв. ред. Д. Ю. Дорофеев. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. — 298 с.
6. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. — 504 с.
7. Богомолов Н.А. Заметки о русском модернизме // Богомолов Н.А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. — 624 с.
8. Грякалова Н.Ю. Человек модерна: Биография — рефлексия — письмо. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2008. — 384 с.
9. Грякалова Н.Ю. Фикциональное поле мемуарных очерков Г. Иванова (случай А. Блока) // Судьбы литературы Серебряного века и русского зарубежья. Сборник статей и материалов: (Памяти Л.А. Иезуитовой: К 80-летию со дня рождения). СПб.: Изд. Дом «Петрополис», 2010. — 564 с.
10. Иванов Г.В. Собр. соч. В 3-х т. Т. 3. М.: Согласие, 1994. — 718 с.
11. Ковтун Н.В. Трикстер как герой нашего времени (На материале русской прозы второй половины XX века — XXI века): монография / Н.В. Ковтун. М.: ФЛИНТА; Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2022. — 408 с. — (Универсалии культуры. — Вып. XII).
12. Липовецкий М. Трикстер и «закрытое» общество // Новое литературное обозрение. 2009. № 6 (100). С. 224—245.
13. Лопачева М.К. К вопросу о жанре «Петербургских зим» Георгия Иванова // Аксиологический диапазон художественной литературы: Сборник научных статей. — Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2017. С. 218—222.
14. Мелетинский Е. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. — 146 с.
15. Плеханова И.И. Герой-трикстер на сцене и в романе // Плеханова И.И. Философские проблемы литературоведения: Теория витальности в связи с философией, теорией и практикой литературного творчества. Психотип и творческая индивидуальность поэта. Иркутск: ИГУ, 2014. С. 118—227.
16. Радин П. Трикстер: Исследование мифов североамериканских индейцев / с комм. К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. СПб.: Евразия, 1999. — 288 с.

17. Самойлова В.Е. Проблема определения трикстера // Казанская наука. 2012. № 9. С. 152.
18. Степун Ф. Мысли о России // Литература русского зарубежья: Антология. Т. 1, кн.1. М.: Книга, 1990. — 432 с.
19. Тименчик Р. О фактическом субстрате мемуаров Г. Иванова. — De visi. — 1994. — № XII. — С. 341–348.
20. Топоров В.Н. Образ трикстера в Енисейской традиции // Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX — начало XX вв.: сб. статей. Новосибирск: СО АН СССР, ИИФиФ, 1987. С. 5-26.
21. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. — 616 с.
22. Хайнс Уильям Дж., Доти Уильям Г. Мистические образы трикстера: контуры, контекст и критика. Издательство Университета Алабамы, 1993. — 265 с.
23. Чекушин В. Между циником и трикстером: стратегия выживания А.Н. Толстого в 1930-е годы // Филологический класс. 2019. № 4 (58). С. 101–108.
24. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. Перевод А.П. Хомика. М.: Академический проект, 2021. — 254 с.
25. Юнг К.-Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев: Государственная библиотека Украины для детей и юношества, 1996.
26. Яновский В.С. Поля Елисейские. СПб.: Изд-во «Пушкинский фонд», 1993. — 279 с.
27. Lazzarin, F. Фиктивный характер (псевдо)мемуарного текста как эстетическая программа. Еще раз о «Петербургских зимах» Георгия Иванова. — Autobiografija. — November. — № 1. — 2012. P. 101–120.

Artistic Anthropology of Cultural Borderland in “Petersburg Winters” by Georgy Ivanov

Maria K. Lopacheva,

PhD in Philology, Associate Professor

St. Petersburg State Institute of Culture (St. Petersburg, Russia)

E-mail: lopacheva03@mail.ru

The article examines the character set of Georgy Ivanov’s book “Petersburg Winters”, one of the interpretations of the “Petersburg myth”. It is suggested that the author deliberately gives a number of characters the features of a trickster, and the very idea of deception, deception of St. Petersburg, inherited by the writer from Gogol and Dostoevsky, both determines the structure and genre nature of the text, and represents Ivanov’s view of the depicted era. It is proved that the activation of the psychological type of trickster in the literary environment emblemizes the “sunset” of the modern era for the memoirist, personifies the cultural borderland.

Key words: archetype, trickster, modern, Georgy Ivanov, memoirs.

*Статья подана 1 февраля 2025 г.
Одобрена к публикации 17 марта 2025 г.*

DOI: 10.18572/2687-0339-2026-1-30-35

Рассказ К.М. Станюковича «Кириллыч»: амбивалентность нравственной парадигмы

Анастасия Игоревна Октябрьская-Кисничан,

аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

(Москва, Россия)

ORCID: 0000-0001-5145-6735

E-mail: nastya-okt@mail.ru

В статье исследована важная проблема реализации исторической и личной памяти в рассказе К.М. Станюковича. Актуализирована проблема жестокости и милосердия по отношению к подчиненным как форма реализации справедливости и установления порядка и дисциплины на флоте в условиях Крымской войны в рамках нравственных установок той эпохи. Выявляется нравственная парадигма моряка, выраженная в дисциплине, строгом отношении к служебным обязанностям и патриотических устремлениях, через которую дан анализ значимых образов-символов и ментальных смысловых кодов.

Ключевые слова: К.М. Станюкович, зло как этическая категория, историческая память, проблема жестокости, первая оборона Севастополя, Крымская война.

В идейном, нравственном и этическом смысле рассказ К.М. Станюковича «Кириллыч» (1895) — произведение неоднозначное. Писатель поставил вопросы о взаимоотношениях офицеров и матросов, жестокости как условия флотского порядка того времени, профессионализме и факторе человечности моряка в условиях Крымской войны. Литературным контекстом рассказа может служить русская проза второй половины XIX — начала XX вв. о тяжести армейской службы — произведения Л.Н. Толстого («После бала»), А.С. Грина («Заслуга рядового Пантелева», «Слон и Моська», «История одного убийства»), А.И. Куприна («Дознание», «Ночная смена», «Поединок»).

В гуманитарных дисциплинах, как в перечисленных выше произведениях, жестокость осмысливается как явление социальное и личностное, универсальное и индивидуальное: «по-

нятием жестокости в культуре фиксируется негативное отношение общества (выраженное в традициях оценки) к определенным качествам личности, к определенному типу поведения и, шире, к миру в целом, связанное со страстно-эмоционально-сострадательным переживанием причинения зла в процессе воздействия на живое (чувствующее)» [Чернова 2001: 9]. В целом жестокость квалифицируется как «особое, специфическое проявление человеческой агрессии» [Там же], связанное с насилием, враждебностью, вызывающее социальную, коммуникативную, психическую деструкцию. Г.Р. Чернова и М.Е. Буленкова, обобщая выводы русских философов, акцентируют внимание на зле, реализующемся в личности, межличностных отношениях, и отмечают, что «понятие зла в русской философии предстает как предельное обобщение всего негативного в мире

и человеке» [Чернова, Буленкова 2016: 106]. Таким образом, зло понимается как безнравственное, незаконное, неправомерное состояние мира [Исупов 2010]. Тем не менее философы настаивают на диалектичности добра и зла, утверждая, что диалектика данных этических категорий «являет себя субъективно: в теоретико-методологическом плане она состоит в противоречивости процесса познания сущности добра и зла, их функций, способности “переходить” друг в друга, в оценке действительности. <...> Диалектика многообразных форм добра и зла порождает диалектику их оценки субъектом» [Вавилова 2008: 8].

Не менее актуален в военной прозе и вопрос о преодолении зла. В.С. Соловьёв, выделяя основные ценностные ориентиры человека, рассуждает о чувствах стыда, жалости и благоговения перед высшими силами. К примеру, чувством стыда «определяется этическое отношение человека к материальной природе. Человек стыдится ее господства в себе или своего подчинения ей (особенно в ее главном проявлении) и тем самым признает, относительно ее, свою внутреннюю самостоятельность и высшее достоинство, в силу чего он должен обладать, а не быть обладаемым ею» [Соловьёв 2012: 131]. Благодаря чувству жалости личность «соответственным образом ощущает чужое страдание или потребность, т. е. отзывается на них более или менее болезненно, проявляя таким образом в большей или меньшей степени свою солидарность с другими» [Там же]. Чувство благоговения перед Небесным «составляет у человека нравственную основу религии и религиозного порядка жизни» [Там же: 134]. Личность определяет свое место в социуме и выстраивает стиль поведения, формирует собственную нравственно-ценностную шкалу; она

опирается на «личную добродетель», исходит из «веления долга», выстраивает «духовно-нравственную парадигму <...> общества и личности» [Незнамова 2002: 11]. Таким образом, общество и личность тесно взаимосвязаны, что не исключает самостоятельности личности в выборе своих приоритетов. В художественных текстах решение вопроса о зле и добре соотносено с авторской точкой зрения и, как правило, связано с психопозитикой [Эткинд 1998].

Отмеченное выше имеет прямое отношение к авторской позиции в рассказе «Кириллыч». В центре изображения — два ярких персонажа: отставной матрос Черноморского флота Кириллов, прозванный сослуживцами Кириллычем, и капитан первого ранга Сбойников. Станюкович передает старому Кириллычу, которому «семьдесят с лишком лет» (с. 291)¹, роль рассказчика: он повествует о временах Крымской войны и своей службе под началом Сбойникова. Рассказ о боевой молодости Кириллыча, о трудностях постижения морской науки составляет ядро произведения. Флотские испытания, палочные наказания, участие в Крымской кампании, тяжелое ранение не умертвили в герое-рассказчике силы духа: «...маленький старикашка с седой, коротко остриженной головой, с выбритыми морщинистыми и побуревшими от загара щеками и щетинкой колючих седых усов глядел молодцом» (Там же). Портретные и поведенческие черты Кириллыча выдают в нем волю к жизни, веру в себя, стойкий витализм; в бытность службы на корабле он не рефлексировал по поводу смерти («бывало, бежишь по рее и вовсе забываешь, что упасть можешь» (с. 301–302);

¹ Здесь и далее ссылки на анализируемый нами рассказ даются по изданию: Станюкович К.М. Кириллыч // Русский военный рассказ XIX — начала XX века. — М.: Правда, 1988. С. 291–312.

«...вместе с Нахимовым-адмиралом ушли в море турку ловить и накрыли его под Синопом» (с. 306); герой рассказа сражался на одном из самых опасных участков обороны Севастополя — четвертом бастионе Малахова кургана, после ампутации ноги служил яличником, сторожем. В Кириллыче воплощен гипертимный тип личности, отличающийся оптимизмом, инициативностью, высоким жизненным тонусом.

Рассказ ведется примерно через срок лет после окончания Крымской войны — главного периода жизни Кириллыча, тогда как современность — проекция пережитой им истории. Герой живет воспоминаниями о военных эпизодах (бомбардировка Севастополя, взятие пленных, высадка войск союзников в Евпатории, отход сухопутных сил из Крыма, последующее возвращение части войска, строительство оборонительных укреплений, штурм, ранение в ногу и т. д.) и о героях войны — Нахимове, Корнилове, Меншикове и других. События войны намечены пунктиром, они служат историческим фоном военной биографии Кириллыча. Личное время соединяется с историческим, исторические события выражены в индивидуальных впечатлениях. Доминантными становятся не столько описания ключевых моментов обороны, сколько общее воссоздание единого духа обороны.

Кириллыч не задумывается над сложностью службы и ценностью собственных поступков, для него они естественный ход жизни. Так, он не осознает собственного героизма при спасении товарищей: «Кириллыч никогда не говорил, вероятно, и сам не подозревая, что броситься в пороховой погреб и вынуть из вертящейся бомбы горящую трубку — не совсем обыкновенное дело для человека, и когда я спросил его

об этом обстоятельстве, то он просто, словно бы не придавая своему подвигу ни малейшего значения, ответил:

— Точно, было такое дело. Вижу, подлая, пробила пороховой погреб, я за ней. Думаю: беда будет, как взорвет... Народу-то сколько пропадет!» (с. 293–294). Он бросается спасать товарищей, предотвращает катастрофу, передоверяя себя Богу: «Однако Господь вызволил. Только руки себе спалил» (с. 294). В данном эпизоде показано преимущество духа над инстинктом самосохранения — состояние, о котором писал В. Соловьёв: «Мужество создается человеком не как преобладание только хищнического инстинкта, а как способность духа возвышаться над инстинктом личного самосохранения, причем присутствие этой силы духа является добродетелью, а отсутствие ее осуждается как *постыдное*» [Соловьёв 2012: 136].

В рассказе остро поставлен вопрос о распространенных на флоте «линьках» (телесных наказаниях, осуществляемых с помощью толстой веревки с узлом на конце) — явлении, диссонирующем с героизмом матросов. Кириллыч регулярно получает от начальства телесные наказания. Но в отношении к наказанию проявляется не рабская кротость, а осознание его неизбежности. В представлениях Кириллыча о флотском порядке «линьки» — это фактор, направляющий матроса на безупречное выполнение обязанностей и предотвращающий роковую для всей команды ошибку. Вместе с тем он говорит, сравнивая прошлую флотскую службу и нынешнюю: «Тогда шкуры-то нашей нисколько не жалели, вроде как по турецкому барабану били, не то что теперь, когда матросу права дадены <...> Такое уж положение в Черноморском флоте было, чтобы матрос был обучен как следует <...> Теперь, сказывают,

на флоте такого боя нет <...> И корабли пошли другого фасона <...> Но только <...> неказисты эти нонешние корабли ...» (с. 297; 301). В этом его сравнении — не только горечь и затаенный сарказм по поводу бесправия матроса, но и гордость выносливостью матросов и суровым флотским воспитанием.

Показательно упоминание героя Синопя и Крымской войны — Нахимова, который был для Кириллыча безусловным носителем истины и воплощением справедливости. Кириллыч свидетельствует о применении адмиралом телесных наказаний, но он же априори заступает за него: «И порол ежели, то правильно, за дело ...» (с. 293). Можно предположить, что точки зрения автора и героя на неизбежность наказаний совпадают, однако Станюкович заостряет проблему меры наказания, степени жестокости командира. Антиподом Нахимову выступает капитан первого ранга Сбойников, чья чрезмерная строгость к матросам трансформируется в жестокость. Ею же отмечена личная жизнь капитана: свою молодую любовницу Машку он подвергает жестокому наказанию за измену с молодым матросом.

Сбойников в народном сознании — главный «мучитель» (с. 297) Черноморского флота. Однако принятая в матросской среде характеристика Сбойникова существенно корректируется Кириллычем. Он признает в капитане жестокость и указывает на его решения как на типичные для всего Черноморского флота, но он видит в них и позитивный смысл: «А служба <...> в Черном море тогда строгая была ... тяжкая ... Двоих, примерно, до неспособности от линьков доводили, зато третий, который ежели здоровье имел, вроде дьявола по матросской части был ... изо всех сил, значит, старался и службу свою справлял» (Там же). Он характеризует капитана то мудрым, то лютым. Более

того, Кириллыч доказывает профессионализм Сбойникова, о чем, во-первых, свидетельствует назначение его командиром всякий раз на то судно, где «какая ни на есть по службе неисправка была» (Там же), а во-вторых, блестящее управление вверенным ему судном.

Кроме того, в рассказе Кириллыча актуализировано умение Сбойникова разглядеть профессиональный потенциал матроса. Например, он брал в вестовые не каждого, так как не желал «подлецов к лодырству приучать» (с. 300); собственная служба Кириллыча вестовым под началом Сбойникова охарактеризована как терпимая («меня он ругал не от сердца, а, значит, одобрительно <...> непривередливый был и взыску строгого не было» (с. 303)). О неоднозначности натуры Сбойникова говорит его умение противопоставить личной обиде деловые качества матроса, способность простить и даже наградить того, кто покушается на его жизнь. Справедливость Сбойникова подтверждает личный пример Кириллыча: Сбойников отправляет его из вестовых на корабль, потом на четвертый бастион в самые ответственные моменты обороны. Страх матроса перед наказанием смягчается страхом падения с реи на палубу, на что указывает и капитан: «Молодчина, Кириллов! Слушаешься своего командира, а то лежал бы, такой-сякой, с пробитой головой» (с. 302). Действия Сбойникова объясняются его ответственностью перед отечеством: «...хороший матрос должен на своем месте быть и, в случае чего, за матушку-Расею <...> сражаться и честь флага отстаивать» (с. 306).

Образ матроса Кириллова противопоставлен типам народных героев (замученной жертве или мстителю) из упомянутых произведений Толстого, Куприна, Грина. Кириллов — размышляющий человек, узнавший

тяготы жизни и своим сознанием вставший над ними. Он не упрощает сложности флотского бытия, оно предстает ему не столько в дуальности, сколько в единстве противоположностей, когда зло может быть на стороне добра. Амбивалентность восприятия жизни [Мушина 2012] объясняет согласие героя с ее противоречиями. Герои такого типа встречались в произведениях Н.С. Лескова, А.П. Платонова и др.

Кириллыч приходит к мысли, что жестокость Сбойникова обусловлена как нравами эпохи правления императора Николая I (1825–1855) и условиями войны, так и искуплением греха, как это случилось с Содомом и Гоморрой. От Кириллыча и других черноморцев повествователь слышал историю о пророчестве некоего монаха, предсказавшего Николаю Первому победу французов как возмездие русским за грехи. Таким образом, трагедия Севастополя понимается черноморцами как справедливое наказание во благо.

Станюкович выстраивает образ Кириллыча на параллелизме. Его аскетичная жизнь сторожа, строгость по отношению к себе (процесс ежедневного бритья превращается в опасный акт) и требовательность к посторонним (он жестко наказывает за воровство арбузов в больших объёмах), любовь к порядку (в караулке опрятно, как в корабельной каюте, коврига хлеба обернута чистой тряпочкой и т. п.) в определенной степени дублируют максимализм капитана.

Кириллыч неосознанно проецирует на себя стиль поведения Сбойникова и его требовательность к себе: став инвалидом, герой рассказа отказывается просить милостыню, чтобы не уронить честь моряка. Его моральные качества подчеркнуты в рассказе антитезой. Станюкович противопоставляет Кириллыча задумавшему убить капитана матросу Собачкину. Для Собачкина

капитан равнозначен бешеной собаке. Между тем автор уничижительно сепантизирует фамилию самого матроса, усиливая этот прием апелляцией к его характеру — герой озлоблен, скрытен, недоброжелателен, злопамятен. Завет смертельно раненого Собачкина сослуживцам — помнить уговор и убить Сбойникова, даже перед лицом смерти он не способен на прощение. А завет Сбойникова — в случае его смерти помочь матросам и одарить нуждающихся деньгами. Гибель Собачкина — лишь незначительный эпизод, естественный в военной обстановке, а смерть Сбойникова и последующая раздача его накоплений простым матросам — акт бескорыстия и справедливости, надолго запомнившийся морякам.

Итак, из рассказа следует, что поведенческие критерии людей, принадлежащих к разным уровням общественной иерархии, обусловлены не столько социальной психологией, сколько сходством личностного отношения к проблеме добра и зла. Станюкович оставляет за рамками повествования распространенные в художественной литературе представления о зле социальном, физическом, метафизическом, природном (изначальном), идеологическом, бессознательном и проч. [Лосский 1994]. Мировоззренческий фокус его рассказа — амбивалентность мышления или поведенческих свойств как отражение многогранности бытия. В сознании героя-рассказчика дуальные этические оппозиции, в частности добро и зло, смягчаются и даже обнуляются как в кризисных ситуациях (война), так и в бытовых (жизнь на хуторе). Крымская война осмыслена самим автором как фактор необходимости проявлений жестокости для победы добра. Вместе с тем Станюкович, вводя в сюжет линию убийства капитана, не отрицает и однозначности зла.

Литература

1. Вавилова Е.Ю. Диалектика добра и зла. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Ярославль, 2008. 24 с.
2. Исупов К.Г. Преступное состояние мира // Исупов К.Г. Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культура Серебряного века. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2010. С. 438–476.
3. Лосский Н.О. Бог и мировое зло // Лосский Н.О. Бог и мировое зло / Сост. А.П. Поляков, П.В. Алексеев, А.А. Яковлев; примеч. Р.К. Медведевой. М.: Республика, 1994. С. 316–389.
4. Мухина В.С. Развитие сознания и самосознания в контексте пересечения реалий условий бытия в исторической динамике // Мир психологии 2012. № 2. С. 77–91.
5. Незнамова И.И. Духовно-нравственная парадигма общества и личности. — Автореферат дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2002. 24 с.
6. Соловьёв В.С. Оправдание добра. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. 656 с.
7. Чернова Г.Р. Феномен жестокости (культурно-антропологический аспект). Дис. ... канд. филос. наук. СПб, 2001. 151 с.
8. Чернова Г.Р., Буленкова М.Е. Представления русских православных философов о добре и зле // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. № 2 (244). 2016. С. 105–115.
9. Эткин Е.Г. «Внутренний человек» и внешняя речь. Очерки психопэтики русской литературы XVIII–XIX вв. М.: Языки русской культуры, 1998. 448 с.

K.M. Stanyukovich's Story "Kirillych": the Ambiguity of the Moral Paradigm

Anastasia I. Oktyabrskaya-Kisnichan,

post-graduate student

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

E-mail: nastya-okt@mail.ru

The article explores the important issue of the implementation of historical and personal memory in K. Stanyukovich's short story. It highlights the problem of cruelty and mercy towards subordinates as a form of justice and the establishment of order and discipline in the navy during the Crimean War, within the framework of the moral principles of that era. The article identifies the moral paradigm of the sailor, which is expressed in discipline, strict adherence to official duties, and patriotic aspirations, and provides an analysis of significant symbolic images and mental semantic codes.

Key words: K.M. Stanyukovich, evil as an ethical category, historical memory, the problem of cruelty, the first defense of Sevastopol, the Crimean War.

*Статья подана 05 октября 2025 г.
Одобрена к публикации 21 ноября 2025 г.*

DOI: 10.18572/2687-0339-2026-1-36-44

Имитация иностранного акцента как средство речевой характеристики в художественном фильме (на материале акцента носителей английского языка)

Елена Леоновна Бархударова,

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой дидактической лингвистики
и теории преподавания русского языка как иностранного
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)
E-mail: e.barhударова@mail.ru;

Мария Александровна Рубцова,

магистрант
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)
E-mail: elizabet.elizabet.2017@mail.ru

Статья посвящена проблематике, связанной с воссозданием в советском и российском кинематографе фонетического «портрета» носителя английского языка. Средства стилизации английского акцента актерами рассматриваются в сопоставлении с реальными характеристиками акцента англоговорящих в русской речи: это позволяет показать, что иностранный акцент в искусстве никогда полностью не отражает действительную картину проявления фонетической интерференции. Для воплощения фонетического «портрета» иностранца актеры обычно прибегают, во-первых, к наиболее распространенным чертам иностранного акцента, присущим интерферированной речи носителей типологически разных языков, а во-вторых, к специфическим, редким чертам акцента, характерным для носителей одного конкретного языка. Результаты, полученные в ходе анализа стилизации иностранного акцента, могут быть использованы в целях обучения иностранцев русскому произношению, так как стимулируют интерес иноязычной аудитории к русской фонетике.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, фонетика, произношение, иностранный акцент, имитация, фонетический «портрет», иноязычная аудитория.

На продвинутом этапе обучения иностранцев русскому языку в программу фонетического курса представляется целесообразным включить лингвокультурологическую проблематику: рассмотреть орфоэпическую вариативность в контексте русской культурной традиции, особенности русского сценического произношения, фонетику поэти-

ческого текста и ряд других вопросов. Это позволяет дать учащимся представление о некоторых аспектах русской национальной культуры и помочь им правильно понять русский звучащий текст. Как показывает практика обучения произношению, особый интерес для иноязычной аудитории представляет анализ фонетического «портрета»

иностранца. В этом случае учащиеся получают возможность познакомиться с тем, какими звуковыми средствами воссоздается в русском искусстве «портрет» носителя их родного языка.

В книге «Русское сценическое произношение» Г.О. Винокур выдвинул концепцию, в которой предлагалось разграничение двух функций сценического произношения — общей и художественной. По мысли Г.О. Винокура, каждая из этих функций «осуществляется при помощи разного произносительного материала» [Винокур 1997: 100].

В силу наличия у сценического произношения общей функции «театр ближе к произносительному единству, чем любая иная область нашей действительности» [Там же: 104]. В то же время помимо общей функции сценическое произношение имеет художественную функцию, которую следует рассматривать как средство игры на сцене: «Бывает, что произношение того или иного театрального персонажа, в силу ли авторского задания или по замыслу данного исполнителя роли, отличается своей необычностью, намеренно отступает от общепринятого... При этом выход из рамок общепринятого произношения и театральная игра произношением подсказывается драматургу и актеру не стремлением к натуралистическому правдоподобию, как могло бы показаться с первого взгляда, а более глубокими причинами. В общей форме эти причины можно определить как диктуемую художественным инстинктом необходимость придать характерность данному театральному образу» [Там же: 101–102].

Особенности орфоэпической ситуации в русском языке, а именно относительная строгость орфоэпической нормы и существенные ограничения на вариативность русского произношения, создают благоприятные условия для художественного использования звуковых средств. Как указывала

К.В. Горшкова, в русской речи отклонения от нормы «всегда оказываются социально значимыми и могут манифестировать принадлежность говорящего к возрастной группе общества, свидетельствовать о его образовании, уровне общей культуры и т. п.» [Горшкова 1985: 72].

Соответственно, у писателей, сценаристов, режиссеров, актеров появляется возможность задействовать фонетические характеристики речи в качестве художественного средства при воспроизведении речевого образа персонажа. Сказанное касается в числе прочего создания фонетического «портрета» иностранца в русском искусстве — в литературе, в театре, в кинематографе. Решение данной задачи предполагает прежде всего отражение в речи героя конкретного художественного произведения фонетических характеристик иностранного акцента, которое, однако, никогда не бывает его точным копированием: в данном случае больше, чем где бы то ни было, используется художественный прием, названный Г.О. Винокуром «игрой произношением». В результате обычно выбираются, во-первых, наиболее распространенные черты интерферирующей русской речи носителей разных языков (отсутствие редукции гласных, нарушение противопоставления твердых и мягких согласных), а во-вторых, наиболее яркие черты акцента, типичного для носителей конкретного языка: увулярный [r] у французов и немцев, замена дрожащих на латеральные и гласные вставки в консонантных сочетаниях у китайцев, мена глухого [с] на коррелятивный звонкий в позиции перед сонорными у испаноговорящих и т. д.

Ниже проблематика создания речевого «портрета» иностранца в искусстве рассматривается на материале анализа особенностей имитации акцента носителей английского языка в советских и российских художественных фильмах

в сопоставлении с реальным акцентом англоговорящих. Прежде чем приступить к описанию средств стилизации акцента англоговорящих, необходимо проанализировать «отрицательный языковой материал» [Щерба 1974: 36], то есть существующие в действительности отклонения в их интерферированной русской речи. Материалом для анализа акцента носителей английского языка послужили видеозаписи в социальных сетях англоговорящих блогеров (британцев и американцев), владеющих русским языком на высоком уровне. Были выявлены основные фонетические ошибки, характерные для обоих вариантов английского акцента — британского и американского.

В целом фонетические отклонения в интерферированном русском произношении иностранцев могут быть классифицированы по происхождению как собственно системные, системно-позиционные и артикуляционные, что соотносится с тремя аспектами описания русской фонетической системы на иноязычном фоне в лингводидактических целях (подробнее см. [Бархударова 2015], [Бархударова, Конечны 2021]).

Собственно системные ошибки обусловлены расхождениями в составе фонем двух сравниваемых языков и в их признаках. В интерферированной звучащей речи носителей английского языка к собственно системным ошибкам можно отнести нарушение противопоставления согласных по твердости / мягкости (**nép*[v·i]ŷ — *первый*, **се*[m] — *семь*), в том числе замену сочетания типа ТЯ сочетанием типа ТЪЯ, при которой парный мягкий согласный обычно заменяется соответствующим полумягким (**о*[p·já]ть — *опять*), замену дрожащих какуминальных [p] и [p'] заальвеолярным ретрофлексным [ɣ] (**гово*[ɣ]íte — *говорите*) и замену зубных звуков [t]/[t'], [d]/[d'], [n]/[n'] и [л]/[л'] соответствующими альвеоляр-

ными [t], [d], [n] и [l] (**сказа*[t] — *сказать*, **е*[d]íte — *едите*, **оче*[n] — *очень*, **носит*[l] — *носитель*). Сюда же относятся замена шипящих [ш] и [ш':] полумягким шипящим [š:] (**о*[š:]úbка — *ошибка*, в **буду*[š:]ем — *в будущем*), замена твердой аффрикаты [ц] полумягким свистящим [s:] (**инструк*[s:]ия — *инструкция*) и нарушение противопоставления согласных по глухости / звонкости (*[t^h]омой — *домой*).

Все перечисленные выше собственно системные ошибки носят фонологический характер, поскольку приводят к неразличению фонем. В то же время эти ошибки сопровождаются **артикуляционными** отклонениями, связанными с различиями в артикуляционной базе и в артикуляционном образовании звуков двух сравниваемых языков. Наряду с уже названными отклонениями в английском акценте можно указать на целый ряд ошибок артикуляционного характера, которые не сопряжены с нарушением фонологических противопоставлений. К таким ошибкам относятся замена мягкой аффрикаты [ч'] полумягкой аффрикатой [tʃ] (**то*[tʃ]но — *точно*), замена твердых [ж] и [ц] полумягкими [ž:] и [ts:] (**ска*[ž:]ú — *скажи*, **неме*[ts:]кий — *немецкий*), аспирация глухих смычных согласных перед гласными в начале слова (*[p^h]омощь — *помощь*) и произношение [x] с призвучком [k] в экскурсии (*[k^h]оть — *хоть*).

К системно-позиционным отклонениям, связанным с расхождениями в функционировании фонем двух сравниваемых языков (о функционировании фонем подробнее см. [Горшкова 1985]), относятся произнесение звонких согласных на месте глухих в абсолютном конце слова (**го*[d] — *год*) и нарушение правил ассимиляции русских согласных по месту и способу образования (**перепи*[stʃ]ук — *переписчик*).

Говоря о ритмических отклонениях в английском акценте, важно отметить,

что нередко в интерферирующей русской речи англоговорящих встречается неправильный выбор места ударения (**скажут*) и нарушение формулы Поттебни, когда гласные реализуются по характерной для английского фонетического слова формуле распределения звучности 21312 вместо соответствующего нормам русского произношения распределения звучности по формуле 12311 (**х[а]р[э]шо́* вместо *х[э]р[а]шо́*). Часто в английском акценте наблюдается и полное отсутствие редукции гласных (**д[о]бро́*).

Как уже отмечалось, для имитации акцента выбираются далеко не все его черты. Речь актера, который стремится к наиболее точному воспроизведению иностранного акцента, может оказаться настолько перенасыщенной фонетическими средствами, что зрители театра или кино будут испытывать трудности при ее восприятии. В статье «Иноязычный акцент в характерных ролях» Л.Н. Кузнецова сравнила стилизацию польского акцента в спектакле «Варшавская мелодия» двумя актрисами — Ю.К. Борисовой и А.Б. Фрейндлих — и пришла к выводу, что А.Б. Фрейндлих, сыгравшая польку Гелю, использовала гораздо более разнообразный набор фонетических средств, чем Ю.К. Борисова, исполнившая ту же роль, «однако такое произношение хотя и передавало колорит польской речи, но, непривычное нашему слуху, несколько затрудняло восприятие смысла слов, сказанных героиней» [Кузнецова 1986: 43–44].

Для анализа стилизации акцента носителя английского языка в кинематографе было выбрано пять кинофильмов и сериалов разных лет: «Цирк» (1936) режиссера Г.В. Александра, «Человек меняет кожу» (1979) Б.А. Кимягарова, «Колорадо» (1993) Е.И. Новикова, «Ширли-мырли» (1995) В.В. Меньшова и «Большая игра» (2007) В.К. Дербенева. Во всех пяти фильмах и сериалах

фигурируют один или несколько американцев, говорящих на русском языке с типичными для англоговорящих фонетическими ошибками. Следует отметить, что англичане в русском кинематографе — явление довольно редкое, однако выявленные средства стилизации интерферирующего произношения американца будут актуальны для имитации характеристик акцента носителей разных вариантов английского языка.

Проделанный в рамках данного исследования анализ речевого образа американки, созданного Л.П. Орловой в широко известном художественном фильме «Цирк», в целом совпал с анализом этого образа Л.Н. Кузнецовой в статье «Иноязычный акцент в характерных ролях» (подробнее см. [Кузнецова 1986: 37–38]). Л.Н. Кузнецова указывает на такие ошибки в речи героини Л.П. Орловой, как замена русских твердых и мягких зубных согласных альвеолярными (**[n]ебеса́* — *небеса*), замена твердых [ш] и [ж] соответствующими полумягкимишипящими (**око[ш̣]ечко* — *окошечко*, **немно[ж̣]ечко* — *немножечко*), замена мягких губных и [ч'] соответствующими полумягкими звуками (**[р̣]етрови[tʃ]* — *Петрович*), замена какуминальных [р] и [р'] ретрофлексным [г] (**[г]айка* — *Райка*), отсутствие оглушения звонкого согласного перед глухим (**сла[d]ко*), отсутствие редукции гласных (**[р̣]етрович* — *Петрович*) и неверное ударение (**лю́блю*). К перечисленным средствам стилизации английского акцента, которые использует Л.П. Орлова, можно добавить замену сочетания типа ТЯ сочетанием типа ТЬЯ (**ре[в̣]о[н]ок* — *ребёнок*) и замену сочетания парного твердого согласного с гласным [ы] сочетанием полумягкого согласного с гласным [и] (**[в̣]и[с]око́* — *высоко*).

В художественном фильме «Человек меняет кожу», снятом по мотивам

вам одноименного романа Бруно Ясенского, показан американец — молодой инженер Джим Кларк, который приехал в Советский Союз, чтобы принять участие в строительстве Вахшского канала. За время строительства канала Джим Кларк переживает немало приключений, находит свою любовь и принимает решение остаться в СССР. Для воссоздания его речевого «портрета» И.М. Костоловский использует гораздо меньший набор фонетических средств, чем Л.П. Орлова, а именно: замену дрожащих [p] и [p'] английским ретрофлексным [ɣ] (**уско[ɣ]ить* — *ускорить*, **ге[ɣ]ой* — *герой*), произнесение на месте зубных согласных альвеолярных (*[l]иш[n]ий — *лишний*, **взой[d]и[t]е* — *взойдите*, **мож[n]о* — *можно*), замену мягкой аффрикаты [tʃ] полумягкой аффрикатой [tʃ] (*[tʃ]еловек — *человек*), отсутствие редукции гласных (*плóх[o]*), произнесение на месте парных мягких согласных соответствующих полумягких (*[b]éрег — *берег*, *[m]éсяц — *месяц*). В речи американского инженера встречаются и ошибки, связанные с отсутствием обязательной для русского языка ассимиляцией согласных по месту и способу образования, например, *считал* звучит у И.М. Костоловского как **[stʃ]умал*.

В комедии «Ширли-мырли» встречаются три персонажа-американца, в речи которых используются приблизительно одни и те же средства стилизации английского акцента. Чаще других в кинофильме звучит интерферированная речь Кэрол Абзац, роль которой исполняет В.В. Алентова. Для имитации акцента американки она выбирает преимущественно грамматические отклонения и иноязычные вкрапления (**товарищ policeman*; **это есть мой жених* и т. д.), однако наблюдается в ее речи и небольшое количество фонетических средств: на месте какуминальных [p] и [p'] она произносит ретрофлексный [ɣ] (*[ɣ]адоваться — *радоваться*,

в Амé[ɣ]ике* — *в Америке*), на месте твердых согласных [ж], [ш] и [ц] произносятся соответствующие полумягкие согласные (*[ʒ]ених — *жених*, *[ʃ]утить — *шутить*, *[ts·]ыган — *цыган*). В речи Кэрол Абзац встречается также замена сочетания типа ТЯ сочетанием типа ТЪЯ (o[p·já]ть* — *опять*), несколько реже отмечаются неправильная постановка ударения (**жени́на*), отсутствие редукции гласных (**зау́тр[o]*) и замена зубных [л] и [л'] альвеолярным [l] (**го[l]убой*). Всех этих средств оказывается вполне достаточно для воссоздания комического речевого образа американки.

Меньшее число реплик, чем Кэрол Абзац, имеет посол США, роль которого исполняет Л.В. Куравлев. Основными средствами имитации его акцента являются замена русских звуков [p] и [p'] английским [ɣ] (**пода[ɣ]ок* — *подарок*), замена зубных согласных альвеолярными (*[t]op[t] — *топт*) и произнесение твердого [m] на месте мягкого [m'] (**a[m]ерика́нский* — *американский*). В речи жены посла США Дженнифер, которую сыграла Л.Г. Полищук, наблюдаются такие фонетические средства, как замена ретрофлексных [p] и [p'] какуминальным [ɣ] (**ши[ɣ]ли-мы[ɣ]ли* — *ширли-мырли*) и отсутствие редукции гласных (**гениа́льн[o]* — *гениально*).

В фильме «Колорадо» также показано несколько персонажей-американцев, прибывших в Россию из штата Колорадо. Для воссоздания интерферированной речи американки Энн Ириной Примачук используются такие фонетические средства, как замена сочетания типа ТЯ сочетанием типа ТЪЯ (*[p·já]ть — *пять*), произнесение на месте какуминальных [p] и [p'] ретрофлексного [ɣ] (**гита[ɣ]ы* — *гитары*), замена зубных согласных соответствующими альвеолярными (**прос[t]о*, **Ан[d]рей*, **пра́виль[n]о* — *правильно*, *[l]ожь — *ложь*), замена парных мягких звуков соответствующими полумягкими или твердыми (**мага[z·]ин* — *магазин*,

*му[z]ей — музей), произнесение на месте мягкой аффрикаты [ч'] полумягкой аффрикаты [tʃ] (*но[tʃ]ему́ — почему), отсутствие редукции гласных (*[o] хотник — охотник). В одном случае в речи героини Ирины Примачук отмечено нарушение противопоставления согласных по глухости / звонкости (*само[k]он — самогон).

В интерферированной речи американца Джона, жениха Энн, наблюдается тот же набор фонетических средств, к которому можно добавить только замену сочетания парного твердого согласного с гласным [ы] сочетанием полумягкого согласного с гласным [i] (*[v·i] — вы).

В песне, исполняемой американцами в поезде, зафиксированы такие фонетические средства, как замена твердых шипящих [ш] и [ж] соответствующими полумягкими шипящими (*мила[š·]ка — милашка, *си[ž·]у — сижу), замена мягкого [ч'] полумягким звуком [tʃ] (*каба[tʃ]ок — кабачок), произнесение на месте твердых и мягких зубных согласных альвеолярных (*[n]е п[л]ачь — не плачь, *пя[t]ачок — пятачок) и отсутствие редукции гласных (*n[a]тачок).

Наконец, в речи американца Стива, агента ЦРУ, завербованного советской разведкой, которого сыграл В.В. Бегма-младший в киносериале «Большая игра», были зафиксированы приблизительно те же фонетические средства, что и в предыдущем фильме «Колорадо», а именно: замена твердых шипящих [ш] и [ж] соответствующими полумягкими шипящими (*[š·]утка — шутка, *сло[ž·]но — сложно), замена какуминальных [р] и [р'] ретрофлексным [ɾ] (*[ɾ]одился — родился, *т[ɾ]етий — третий), произнесение на месте зубных согласных соответствующих альвеолярных (*прок[л]ятый — проклятый, *уби[t]ый — убитый, не*[n]ай[d]ётся — не найдётся), замена

сочетания парного твердого согласного с гласным [ы] сочетанием полумягкого согласного с гласным [i] (*[b·i]ло — было), замена парных мягких звуков соответствующими полумягкими (*a[g·]энта — агента) и отсутствие редукции гласных (*эт[o] — это, *п[a]тьдесят — пятьдесят).

Отдельно следует упомянуть о коартикуляционных изменениях русских гласных, которые наблюдались как в акценте носителей английского языка, так и в стилизации их акцента русскоговорящими актерами. После полумягких согласных, включая альвеолярные, вместо гласных [и] и [ы] произносился, как правило, гласный [i], а вместо [е] произносился [ɛ]. Два этих звука, [i] и [ɛ], значительно отличаются от соответствующих им русских гласных — [и] и [е]: гласный [i] является гласным передне-среднего ряда, в отличие от русского [и], а гласный [ɛ] носит более открытый характер, чем его русский «аналог» [е]. Произношение звука [ы] представляет для англоговорящих значительные трудности, что также было показано советскими и российскими актерами, игравшими роли американцев.

Итак, анализ кинофильмов показал, что самыми частотными средствами имитации акцента американца являются: замена какуминальных [р] и [р'] ретрофлексным [ɾ], замена зубных звуков соответствующими альвеолярными, замена парных мягких согласных соответствующими полумягкими или твердыми согласными и отсутствие редукции гласных. Эти черты встретились в речи англоговорящих персонажей во всех пяти кинофильмах. Замена твердых шипящих [ш] и [ж] соответствующими полумягкими шипящими фиксировалась в четырех фильмах. В трех кинофильмах наблюдались замена сочетания типа ТЯ сочетанием типа ТЬЯ, замена мягкой аффрикаты [ч'] полумяг-

кой аффрикатой [tʃ] и замена сочетания парного твердого согласного с гласным [ы] сочетанием полумягкого согласного с гласным [i]. В двух фильмах встретились ошибки в постановке ударения. И, наконец, только в одном фильме фиксировалась замена твердого [ц] соответствующим полумягким [tsʰ].

В связи с изучением особенностей стилизации английского акцента в русской речи возникает вопрос: действительно ли такой фонетический «портрет» англоговорящего соответствует реальности? Чтобы определить это, сопоставим фонетические средства, используемые актерами для воссоздания акцента англоговорящего, с реальными отклонениями в интерферированной русской речи иностранцев-носителей английского языка. Ниже в таблице, представляющей различные фонетические отклонения, использованы следующие сокращения и обозначения: «Р.» — фонетические ошибки, которые встречаются в реальности; «Ст.» — фонетические ошибки, которые используются в кинематографе как художественные средства для стилизации английского акцента в русской речи; знаком «+» обозначены ошибки, которые встречаются достаточно регулярно как в реальности, так и в художественных фильмах; знаком «-» — ошибки, которые не встречаются вообще; знаком «±» обозначены ошибки, которые встречаются редко.

Фонетические отклонения	Р.	Ст.
Замена английским ретрофлексным [ɹ] русских какуминальных [p] и [pʰ].	+	+
Замена мягкой аффрикаты [tʰ] полумягкой аффрикатой [tʃ].	+	+
Произнесение альвеолярных согласных на месте русских твердых и мягких зубных.	+	+
Замена сочетания типа ТЯ сочетанием типа ТЪЯ.	+	+

Замена парных мягких согласных соответствующими полумягкими или твердыми согласными.	+	+
Замена твердых шипящих [ш] и [ж] полумягкими шипящими [ʃʰ] и [ʒʰ].	+	+
Произнесение на месте твердой аффрикаты [ц] полумягкой аффрикаты [tsʰ].	+	±
Замена мягкого фрикативного [шʰ:] полумягким фрикативным [ʃʰ].	+	-
Неправильная постановка ударения.	+	+
Отсутствие редукции русских гласных.	+	+
Замена сочетания парного твердого согласного с гласным [ы] сочетанием полумягкого согласного с гласным [i].	+	+
Различные коартикуляционные изменения русских гласных после полумягких согласных, включая альвеолярные.	+	+
Нарушение закономерностей позиционного варьирования согласных по глухости/звонкости.	+	±
Редукция русских гласных по ритмической формуле английского слова 21312.	+	-
Нарушение правил ассимиляции русских согласных по месту и способу образования.	+	±

Анализ таблицы позволяет сделать вывод о том, что средства имитации английского акцента, которые используют актеры кино, представляют собой ошибки, действительно встречающиеся в интерферированной речи англоговорящих. Однако некоторым чертам акцента отдается явное предпочтение, что связано либо с их частым появлением в иностранном акценте как таковом, либо с их большей выразительностью именно в английском акценте. Вместе с тем некоторые акцентные черты почти не выбирались для имитации акцента носителей английского языка. К ним

относится, например, замена твердой аффрикаты [ц] полумягкой [tṣ]. Можно также отметить, что такие черты, как замена мягкого шипящего [ш̣:] полумягким [ṣ̌] или замена звука [ц] полумягким свистящим [ṣ], которые часто фиксируются в реальном акценте англоговорящих, вообще не были использованы актерами для его стилизации.

В области ритмики русского слова актеры часто выбирали ошибочное отсутствие редукции русских гласных и ни разу не выбрали такую черту реального акцента англоговорящих, как редукция гласных по формуле 21312, которая характерна для английского фонетического слова. Это, вероятно, связано с тем, что последняя черта крайне редко адекватно оценивается русскоговорящими и воспроизвести ее носителю русского языка, в том числе русскоязычному актеру, исключительно трудно.

Следует также отметить, что актерами почти не использовались средства имитации акцента, связанные с функционированием фонем: исключение составляло только регулярно встречающееся при создании фонетического портрета англоговорящего иностранца отсутствие редукции гласных. Единичные примеры отклонений в области позиционного варьирования согласных по глухости/звонкости встретились в речи персонажа Л.П. Орловой в фильме «Цирк» (*от *бе[d] — от бед, *сла[d]ко — сладко*); только один пример ошибочного отсутствия ассимиляции согласных по месту и способу образования был зафиксирован в речи персонажа И.М. Костолевского в фильме «Человек меняет кожу» (**[stf]umál — считал*).

В целом звуковой «портрет» американца сильно напоминает звуковой «портрет» носителей немецкого, фран-

цузского, польского и других языков в советском и российском кинематографе (подробнее о звуковых портретах носителей типологически разных языков см. [Кузнецова 1986: 38–41], [Рубцова 2024]). В то же время в речи героев-американцев есть черты, которые однозначно характеризуют английский акцент, например, произнесение ретрофлексного [ɹ] на месте какуминальных [p] и [pʰ].

Исследование стилизации иностранного акцента в русской речи представляется актуальным как в научном, так и в учебно-методическом плане. Теоретическая значимость анализа данного вопроса определяется тем, что его рассмотрение в различных аспектах вносит существенный вклад в «лингводидактическое описание русского языка в “зеркале” иноязычных систем» (подробнее см. об этом, например, [Бархударова, Дементьева, Зубова, Клобукова и др. 2024]). Практическая ценность изучения средств создания звукового «портрета» иностранца в советском и российском кинематографе обусловлена возможностью использования полученных данных для составления учебных материалов, нацеленных на исправление отклонений в произношении иностранных учащихся на продвинутом этапе. Проблематика, связанная с изображением соотечественников в искусстве, вызывает у иностранных студентов живой интерес: соответственно, задания, основанные на такого рода материале, будут способствовать усилению мотивации инофонов к обучению русской фонетике. Результаты исследования могут быть также полезны профессиональным актерам, писателям и сценаристам, которые интересуются проблемами стилизации иностранного акцента.

Литература

1. Бархударова Е.Л. Основы сопоставления фонетических систем изучаемого и родного языков в контексте обучения произношению // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 3. С. 143–158.

2. Бархударова Е.Л., Дементьева О.Ю., Зубова О.В., Клобукова Л.П., Панков Ф.И., Чаплыгина Т.Е., Чижова Л.Н. Научное наследие М.В. Всеволодовой и актуальные проблемы лингводидактики, функционально-коммуникативного и сопоставительного изучения русского языка // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2024. № 1 (17). С. 52–56.
3. Бархударова Е.Л., Конечны Я. Звуковые системы русского и чешского языков в контексте обучения чехов русскому произношению // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2021. № 3 (7). С. 39–46.
4. Винокур Г.О. Русское сценическое произношение. М., 2006.
5. Горшкова К.В. Фонетика // Горшкова К.В., Мустейкис К.В., Тихонов А.Н. Современный русский язык. Часть I. Вильнюс, 1985. С. 20–91.
6. Кузнецова Л.Н. Иноязычный акцент в характерных ролях // Культура речи на сцене и на экране / Отв. ред. Л.И. Скворцов, Л.Н. Кузнецова. М., 1986. С. 35–61.
7. Рубцова М.А. Французский акцент и его имитация в контексте обучения франкоговорящих русской звучащей речи // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2024» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. М., 2024.
8. Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность / Под ред. Л.Р. Зиндера, М.И. Матусевич. Ленинград, 1974. С. 24–39.

Imitation of a Foreign Accent As a Means of Speech Characterization in a Feature Film (Based on the Accent of Native English Speakers)

Elena L. Barkhudarova,

Dr. hab in Philology, Professor, Head of the Department of Didactic Linguistics and Theory of Teaching Russian as a Foreign Language
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
E-mail: e.barhudarova@mail.ru;

Maria A. Rubtsova,

Master's Student
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
E-mail: elizabet.elizabet.2017@mail.ru

The article is devoted to the issues related to the reconstruction of the phonetic “portrait” of an English-speaking native speaker in Soviet and Russian cinema. The means of stylizing the English accent by actors are examined in comparison with the real characteristics of the English accent in Russian speech, which allows the authors to show that a foreign accent in art never fully reflects the actual picture of phonetic interference. To embody the phonetic “portrait” of a foreigner, actors usually resort, firstly, to the most common features of a foreign accent inherent in the interfered speech of speakers of typologically different languages, and secondly, to specific, rare features of an accent characteristic of speakers of one particular language. The results obtained during the analysis of the stylization of a foreign accent can be used for the purpose of teaching foreigners Russian pronunciation, as they stimulate the interest of a foreign-language audience in Russian phonetics.

Key words: Russian as a foreign language, phonetics, pronunciation, foreign accent, imitation, phonetic “portrait”, foreign language audience.

Статья подана 19 мая 2025 г.

Одобрена к публикации 30 июня 2025 г.

DOI: 10.18572/2687-0339-2026-1-45-54

Алгоритмическая структуризация грамматической информации об именных частях речи как средство развития когнитивных способностей школьников

Владимир Николаевич Сульниченко,
кандидат педагогических наук, доцент
Евпаторийский институт социальных наук,
Крымский федеральный университет (Евпатория, Россия)
ORCID: 0000-0002-3292-9813
E-mail: sulnich@mail.ru

Главная цель статьи — показать процесс структуризации грамматического материала об именных частях речи на занятиях по русскому языку в 9-м классе общеобразовательной школы. Научная новизна статьи состоит в разработанной методике структуризации лингвистических сведений путем составления грамматических таблиц и алгоритмов, которые способствуют интенсивному усвоению больших объемов языковой информации. Результаты исследования данной проблемы свидетельствуют о том, что алгоритмический подход является фактором более глубокого и прочного усвоения учащимися учебного материала, содействует привлечению их к самостоятельной исследовательской деятельности.

Ключевые слова: обобщение и систематизация учебного материала, структуризация грамматического материала, именные части речи, алгоритмы распознавания именных частей речи, грамматические таблицы.

Современный этап развития общества характеризуется внедрением информационных технологий в сферу школьного образования и новым пониманием целей обучения, образовательных ценностей, использованием новых технологий обучения, связанных с его оптимальным построением и реализацией учебного процесса для достижения дидактических целей. Это ставит учителя перед необходимостью использования активных методов обучения, к которым обычно относят «дидактические игры, анализ конкретных ситуаций, решение проблемных задач, обучение по алгоритму, мозговую атаку» [Веккесер, Славкина 2020: 40].

Идеи алгоритмизации в обучении отражены в работах ряда известных уче-

ных, см: [Белопольская 1963; Власенкова 1965 и 1990; Малащенко 1978 и 2012; Жиленко 1986; Шатова 1991; Алейникова 2007; Надточий 2012; Ключихина 2018; Борисова 2021; Журавлева 1996 и 2023; Веккесер, Славкина 2020; Подкина 2022; Крутова 2024] и др.

Данные исследования проблем внедрения алгоритмической технологии в практику обучения русскому языку отражали как в теоретическом, так и в методическом планах особенности алгоритма как четкой, заранее задаваемой последовательности действий («шагов»), выполнение которых позволяет получить эффективным способом решение определенной задачи (например, установления части речи, к которой относится то или иное слово). Алгорит-

мы, по мнению ученых, помогают педагогам в построении и планировании учебного процесса. Использование алгоритмов в учебном процессе влияет на последовательность умственных действий учащихся — от усвоения ими нового материала до закрепления полученных знаний. Это обеспечивает систематичность и последовательность в обучении, помогает школьникам лучше усвоить и затем применять изучаемый материал. Алгоритмы увеличивают удельный вес самостоятельной работы.

Ценность алгоритмов заключается в том, что они вооружают учащихся средствами управления своим мышлением и практическими действиями, так как в процессе использования алгоритмов школьники овладевают основными методами интеллектуальной деятельности.

Мыслительный процесс состоит из ряда умственных операций, многие из которых интуитивно не осознаются, поэтому для эффективного обучения надо научить школьников их выявлять. Следовательно, без овладения операционной стороной мышления знание правил иногда бывает бессмысленным, так как школьники не могут их применять, не осознавая логики рассуждений и действий, не понимая, что нужно делать и в какой последовательности, чтобы понять сущность какого-либо языкового явления. Назначение алгоритмов состоит в управлении процессом формирования у обучаемых обобщенных знаний, умений, навыков, в реализации более эффективного процесса структурирования учебного материала. Об этом существенном аспекте работы при составлении грамматических алгоритмов пишут и психологи, и педагоги, и методисты: «Необходимо сформировать у учащихся структурный подход к построению алгоритма <...>, познакомить учащихся с применением структурирования информации и ра-

циональной работы с ней» [Алейникова 2007: 313].

Актуальность данной статьи состоит в том, что в алгоритмическом аспекте именные части речи до сих пор недостаточно исследовались. Анализ научно-методической литературы показал, что в основном обобщение и систематизация изученного материала рассматривается в школьном курсе морфологии только по итогам изучения отдельных частей речи. Интегрированный подход к процессу освоения близких по морфологическим признакам частей речи в работе учителей редко практикуется, а исследований по этой проблематике еще немного. Содержание представленного в статье алгоритмического подхода к структуризации грамматического материала свидетельствует о его востребованности и методической целесообразности.

Эффективное усвоение учебного материала по русскому языку должно всегда завершаться повторением, закреплением, обобщением и систематизацией знаний, умений и навыков. Методисты отмечают, что «в девятом классе завершается курс освоения программы обучения в основной общеобразовательной школе, значительное внимание уделяется повторению, обобщению и систематизации изученного в 5–9 классах» [Бондаренко 2021: 27]. Обобщение и систематизация знаний предполагают углубленный анализ качеств, признаков изученных языковых фактов с целью их объединения в соответствующем алгоритме, в котором наблюдается процесс перехода от частного к общему грамматическому понятию, что формирует у школьников более высокую степень когнитивной деятельности, обеспечивает «создание целостной картины изученного явления, установления новых связей в свете уже известных ранее фактов» [Максимова 2014: 46].

Указанный подход к организации учебно-познавательной деятельности развивает такие когнитивные способности, как память, внимание, восприятие, мышление, что выражается в умении анализировать, синтезировать, сравнивать, обобщать, систематизировать, классифицировать лингвистическую информацию. Обобщающее повторение именных частей речи в 9 классе позволяет углубить и расширить знания о них, овладеть системой лексико-грамматических умений и навыков, сохранить, закрепить в памяти и сознании языковую информацию.

Методика обобщения и систематизации изученного грамматического материала базируется на принципах развивающего обучения и носит общеметодологический характер, являясь «обязательным условием развития познавательной и практической деятельности учащихся в информационно-образовательной среде» [Попова 2013: 112], так как у них совершенствуются навыки самостоятельного принятия решений на основе полученных знаний при изучении русского языка. Это позволяет сформировать более высокий уровень развития когнитивных умений девятиклассников, учит адаптироваться к новым условиям получения лингвистической информации.

При повторении, обобщении и систематизации грамматического материала именные части речи, как и все остальные, необходимо рассматривать «с учетом лексико-грамматических, словообразовательных, стилистических, функциональных особенностей» [Юсупова 2014: 193]. Однако практика повторения грамматического материала с девятиклассниками, фактически завершающими изучение школьного курса русского языка, показал, что прежде всего следует повторить общее грамматическое значение каждой из именных частей речи (при этом необходимо раз-

личать значения предмета, признака, числа и семантическую функцию указания на предметы, признаки, количество или порядок предметов при счете). Имея опыт работы с грамматическими таблицами и алгоритмами в 5–6 классах, девятиклассники самостоятельно структурируют этот грамматический материал в виде таблицы по наличию определенных общих и отличительных морфологических признаков. Работа над этим сложным и объемным материалом проводится на основе одного из важных приемов систематизации — классификации, которая предполагает распределение морфологических признаков именных частей речи в зависимости от их сходства и различия. С этой целью проводится работа над таблицей, составляемой в классе на основе вопросов-заданий, ответы на которые будут использоваться школьниками как соответствующие графы таблицы (столбцы и строки).

На первом этапе работы над таблицей девятиклассники устанавливают следующее: 1) какие грамматические характеристики определяют сходство и различие именных частей речи (именные части речи разграничиваются в зависимости от определенных морфологических и синтаксических признаков); 2) по каким грамматическим признакам принято сравнивать именные части речи (постоянные и непостоянные морфологические признаки; синтаксическая роль в предложении); 3) какие грамматические понятия необходимо учитывать при группировке граф, т. е. столбцов и строк, таблицы (названия именных частей речи, типы морфологических признаков); 4) как нужно расположить столбцы и строки таблицы с учетом морфологических признаков именных частей речи и озаглавить их.

Далее школьники работают в четырех группах, каждая из которых

определяет морфологические признаки какой-то одной из частей речи (существительных, прилагательных, числительных и местоимений), заполняя таблицу грамматическим материалом и подтверждая это самостоятельно подобранными примерами.

На втором этапе работы с таблицей девятиклассники предъявляют свой грамматический материал, и в ходе коллективной беседы устанавливается правильность его представления в **таблице**, составленной самими школьниками и (в случае необходимости) скорректированной учителем.

Таблица

Морфологические признаки именных частей речи

Части речи				
Морфологические признаки	<i>Существительное</i>	<i>Прилагательное</i>	<i>Числительное</i>	<i>Местоимение</i>
Постоянные	собственное / нарицательное, одушевленное / неодушевленное, род; тип склонения	качественное / относительное / притяжательное	количественное / дробное / собирательное / порядковое; простое / сложное / составное	личное / возвратное / притяжательное / определительное / вопросительное / относительное / указательное / неопределенное / отрицательное
Непостоянные	число, падеж	степень сравнения, краткая и полная формы (у качественных прилагательных), число, род (в единственном числе), падеж (в полной форме)	падеж (у количественных и порядковых числительных), число, род	падеж (у местоимений, заменяющих существительные, прилагательные и количественные числительные), число, род

Следующая группа вопросов аналитико-синтетического характера направлена на более высокий уровень систематизации — установление причинно-следственных отношений в содержании грамматического материала по морфологическим признакам именных частей речи.

1. Установите особенности постоянных и непостоянных признаков именных частей речи: 1) постоянные признаки — это признаки, свойственные конкретной части речи независимо от их формы, они не меняются в зависимости от ситуации речи; 2) непосто-

янные признаки указывают на то, что грамматические характеристики части речи изменяются в зависимости от контекста и места слова в предложении.

2. Выделите те морфологические признаки, которые отличают именные части речи друг от друга (полная и краткая формы, степени сравнения — для прилагательных; лицо — для личных местоимений; существительные распределяются (классифицируются) по типам склонений и склоняются; прилагательные склоняются, числительные и местоимения склоняются, но не распределяются по типам склонения).

3. Найдите тот признак имени существительного, который отличает его от других именных частей речи (у существительного выделяется постоянный признак — одушевленность и неодушевленность).

4. Определите смысловые проявления одушевленности — неодушевленности у существительных (обозначение одушевленными существительными живых существ, а неодушевленными — предметов и явлений действительности; вспомните также исключение из этого правила — грамматически одушевленные существительные типа *кукла, снеговик, матрешка, покойник* и др., которые по своему значению не обозначают живых существ).

5. Укажите, как грамматически проявляется одушевленность — неодушевленность у существительных (у неодушевленных существительных форма винительного падежа всегда совпадает с формой именительного падежа [В. п. = И. п. — *стул*], а для одушевленных существительных нужно учитывать их грамматический род: у слов мужского рода форма винительного падежа ед. и мн. числа всегда совпадает с формой родительного падежа [В. п. = Р. п.: ед. ч. — *ученика*, мн. ч. — *учеников*]; у слов женского и среднего родов одушевленность — неодушевленность проявляется только во мн. ч.).

6. Отметьте особенности числа имен существительных (число у существительных указывается как постоянный признак, если слово имеет только одну форму — единственного или множественного числа; но число может определяться и как непостоянный признак — в том случае, если слово изменяется по числам).

7. Установите грамматические признаки, характерные только для прилагательных (от качественных прилагательных образуется краткая форма и степени сравнения).

8. Укажите, в каких формах качественных прилагательных не определяется падеж (в краткой форме, в простой форме сравнительной степени и в составной форме превосходной степени, образованной с помощью слов *все-го, всех*).

9. Определите, в чём особенность грамматических признаков у числительных (они различаются по составу, и большая часть количественных числительных не имеет категорий числа и рода).

10. Охарактеризуйте особенности изменения местоимений по родам, числам, падежам: 1) возвратное местоимение не имеет рода и формы множественного числа и именительного падежа; 2) притяжательные местоимения *его, ее, их* не изменяются по падежам; 3) некоторые вопросительные местоимения не имеют рода и числа; 4) неопределенные местоимения не изменяются.

Представленный перечень вопросов может варьироваться в зависимости от уровня подготовленности учащихся и степени усвоения ими именных частей речи, что определяет учитель конкретно в процессе подготовки к уроку и в ходе его проведения.

Далее девятиклассники переходят к составлению **алгоритма 1**, который дает представление о грамматических признаках именных частей речи. С этой целью предлагается ответить на следующие вопросы: 1) сколько грамматических утверждений должен содержать составляемый алгоритм (четыре, по количеству именных частей речи); 2) какой способ распознавания именных частей речи является основным и как его использовать при составлении алгоритма (распознавание именных частей речи проводится по их постоянным и непостоянным морфологическим признакам); 3) нужно ли в формулировках грамматических

утверждений алгоритма конкретизировать лингвистическую информацию о постоянных и непостоянных признаках именных частей речи (нужно указывать непостоянные и постоян-

ные признаки каждой части речи, так как это является главным способом их распознавания). В результате описанной работы алгоритм 1 приобретает такой вид.

Алгоритм 1: цель — распознавание морфологических признаков именных частей речи

Грамматическое условное утверждение	Следствие из этого условия
1. Если слово имеет <i>постоянные</i> (разряд по значению — собственное или нарицательное, а также одушевленность — неодушевленность, род и склонение) и <i>непостоянные</i> (число и падеж) <i>признаки</i> ...	Это имя существительное.
2. Если слово имеет <i>постоянные</i> (разряд по значению — качественное, относительное, притяжательное) и <i>непостоянные</i> (степень сравнения, краткую или полную форму, число, род, падеж) <i>признаки</i> ...	Это имя прилагательное.
3. Если слово имеет <i>постоянные</i> (разряд по значению — количественные, дробные, собирательные, порядковые и составу — простые, составные, сложные) и <i>непостоянные</i> (падеж, число, род) <i>признаки</i> ...	Это имя числительное.
4. Если слово имеет <i>постоянные</i> (разряд по значению — личные, возвратные, притяжательные, определительные, вопросительные, относительные, указательные, неопределенные, отрицательные) и <i>непостоянные</i> (падеж, число, род) <i>признаки</i> ...	Это местоимение.

Образец рассуждения 1 по алгоритму 1. В предложении *Свинцовые волны реки грустно чернели в однообразных берегах* слово *реки* имеет постоянные (нарицательное, неодушевленное, женского рода, первого склонения) и непостоянные (единственное число, родительный падеж) признаки. Следовательно, слово *реки* является именем существительным.

Образец рассуждения 2 по алгоритму 1. В предложении *На березовой ветке прозрачными каплями сочится сладкий сок* слово *сладкий* имеет постоянные (качественное) и непостоянные (полная форма, единственное число, мужской род, именительный падеж) признаки. Следовательно, слово *сладкий* является прилагательным.

Образец рассуждения 3 по алгоритму 1. В предложении *Глупому прощают семьдесят ошибок, умному — ни одной* слово *семьдесят* имеет постоянные (количественное, сложное) и непостоянные (винительный падеж) признаки. Следовательно, слово *семьдесят* является именем числительным.

Образец рассуждения 4 по алгоритму 1. В предложении *Смелый ничего не боится* слово *ничего* имеет постоянные (отрицательное) и непостоянные (родительный падеж) признаки. Следовательно, слово *ничего* является местоимением.

Важным аспектом работы в ходе повторения, обобщения и систематизации знаний школьников о грамма-

тических признаках именных частей речи является морфологический анализ слова, при проведении которого школьники часто испытывают затруднения. Девятиклассникам необходимо систематизировать все грамматические признаки именных частей речи, чтобы их правильно указать в слове в нужной последовательности с учетом контекста.

С этой целью девятиклассникам предлагается установить: 1) как определяется общее грамматическое значение слова; 2) какую роль играет общее грамматическое значение при характеристике слова; 3) какие грамматические признаки именных частей речи определяются по их начальной форме; 4) на основании каких условий устанавливаются непостоянные грамматические признаки именных частей речи; 5) как определяется синтаксическая характеристика именных частей речи.

Грамматическая информация о порядке проведения морфологического разбора именных частей речи систематизируется в линейном **алгоритме 2**, в котором языковые действия располагаются последовательно.

Перед оформлением образца рассуждения по алгоритму 2 школьникам предлагается: 1) составить сложноподчиненное предложение, в которое следует ввести ключевое слово «книга»; 2) провести морфологический разбор имени существительного, используя алгоритм 2; 3) сделать полный синтаксический разбор составленного предложения (установить вид предложения по цели высказывания интонации, выделить простые предложения в составе сложного и их грамматические основы, определить тип связи между простыми предложениями в сложном, указать главное и придаточное предложения, место придаточного по отношению к главному, особенности его строения, средства выражения смысловых отношений между простыми предложениями, назвать вид сложноподчиненного предложения).

Образец рассуждения по алгоритму 2: В предложении *Человек должен читать книги всю жизнь, потому что они помогают людям совершенствоваться в труде, учат понимать себя и других, расширяют словарный запас и формируют умение грамотно выражать свои мысли* нужно провести морфологический

Алгоритм 2: цель – установление логики морфологического анализа именных частей речи

1. Ставлю вопрос к слову и определяю его общее грамматическое значение.
2. Определяю, какой частью речи является слово.
3. Ставлю слово в начальную форму; <i>для существительных</i> — им. п., ед. ч.; <i>для прилагательных</i> — им. п., ед. ч., м. р.; <i>для числительных</i> — им. п.; <i>для местоимений</i> — им. п. ед. ч. (для притяжательных и определительных местоимений следует учитывать и род).
4. Определяю по начальной форме постоянные морфологические признаки слова, используя таблицу.
5. Нахожу анализируемое слово в предложении и по его форме определяю непостоянные морфологические признаки, используя таблицу.
6. Устанавливаю связь данного слова с другим словом в предложении и по вопросу определяю его синтаксическую роль (подлежащее, сказуемое, дополнение, определение, обстоятельство).

анализ слова (*в*) *труде*. 1) Ставлю падежный вопрос к слову *труде* (*поможет в чём?*) (*в*) *труде* и определяю его общее грамматическое значение — название отвлеченного действия (*труд* — *трудиться*). 2) Определяю, что слово (*в*) *труде* является именем существительным. 3) Ставлю слово (*в*) *труде* в начальную форму — *труд*. 4) Используя таблицу, определяю по начальной форме слова постоянные морфологические признаки (нарицательное, неодушевленное, мужского рода, 2-го склонения). 5) Нахожу анализируемое слово в предложении и, используя таблицу, по его форме (*в труде*) определяю непостоянные морфологические признаки (единственное число, предложный падеж). 6) Устанавливаю связь данного слова с другим словом в предложении и по вопросу определяю его синтаксическую роль в предложении: *поможет (в чём) в труде* — дополнение.

Шестой пункт данного рассуждения по алгоритму 2 наглядно демонстрирует, что синтаксический подход к изучению, повторению и обобщению материала об именных частях речи является одним из важных условий не только для развития речи школьников, но и для установления части речи анализируемого слова. Нельзя не согласиться со следующим выводом: «Взаимосвязанное изучение синтаксиса и морфологии сближает теорию с практикой, так как обеспечивается переход от обучения языку к обучению речи, благодаря которому обучающиеся могут наглядно увидеть, какие части речи участвуют в построении высказывания, что позволяет представить любую языковую единицу в единстве грамматического значения и коммуникативной функции» [Казанская 2019: 105].

Поэтому завершить работу по систематизации сведений об именных частях речи методически целесообразно следующим заданием: Напишите эссе на

тему: «Книги — наши друзья, учителя и наставники» (в классе или дома), затем выберите 5 слов, для которых могут возникнуть сложности в установлении части речи, и скажите, какие алгоритмические приемы вы использовали для решения вопроса о том, к каким частям речи относятся эти слова, какие грамматические свойства этих слов помогли вам решить эту задачу.

Таким образом, в результате алгоритмической структуризации грамматических сведений об именных частях речи, при обобщении и систематизации этого теоретического материала у школьников формируются важные когнитивные способности, проявляющиеся в умении анализировать, сравнивать, систематизировать, классифицировать грамматические признаки слов, самостоятельно делать выводы, обобщения, а также в овладении методами и приемами самостоятельной работы на уроке и во внеурочное время. Использование грамматических таблиц и алгоритмов оптимизирует процесс усвоения материала, так как технология структурирования грамматической информации помогает школьникам видеть определенную логику в системе полученной на уроках русского языка грамматической информации, учит рассматривать приобретаемые знания в единстве, синтезе, в новых связях.

Есть основания полагать, что перспективность представленного в статье материала определяется тем, что методика алгоритмического структурирования может быть использована при изучении и других частей речи русского языка. Следует отметить, что последовательность построения алгоритмов будет такой же, как и при рассмотрении именных частей речи: 1) выявляются признаки, на основе которых возможно распознать изучаемое грамматическое явление; 2) определяется логическая структура признаков, формулируются

грамматические условные утверждения и следствия из этих условий (выводы); 3) подбирается практический материал для проверки грамматических утверждений и выводов, сделанных на их основе (образцы рассуждений по алгоритму).

С помощью обобщающе-систематизирующих таблиц и алгоритмов определения грамматической характеристики слова девятиклассникам проще увидеть определенную логику и связи в грамматическом материале, что в значительной мере обеспечивает их умение оперировать теоретическими понятиями и применять их на практике, повышает качество усвоения учебного материала, создает благоприятные условия для более глубокого его осмысления, помогает учащимся делать самостоя-

тельные выводы, развивает их интерес к обучению.

Практическая значимость научно-методического материала статьи состоит в том, что приемы алгоритмической структуризации грамматического материала могут быть, на наш взгляд, использованы и при изучении вузовского курса морфологии русского языка со студентами филологического профиля. Такой подход к изучению морфологии русского языка формирует у изучающих современный русский литературный язык необходимые компетенции, способствует повышению уровня их владения языком как в письменной, так и в устной его разновидности, развивает сознательное отношение к своей речи и речи окружающих.

Литература

1. Алейникова О.М. Методика преподавания непрерывного курса алгоритмизации в общеобразовательной школе // Известия Российского гос-го пед. ун-та им. А.И. Герцена, 2007. Т. 19. № 45. С. 311–314.
2. Белопольская А.Р. Опыт применения обучающих алгоритмов // Вестник высшей школы, 1963. № 6. С. 123–127.
3. Бондаренко М.А. Русский язык. Примерная рабочая программа и поурочные разработки. 9 класс: учеб. пособие для общеобразоват. организаций. М: Просвещение, 2021. 296 с.
4. Борисова С.Р. Применение алгоритмов в обучении орфографии младших школьников // Социально-педагогические вопросы образования и воспитания: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 25 июня 2021 г.) / редкол.: Ж.В. Мурзина [и др.] Чебоксары: ИД «Среда», 2021. С. 210–217.
5. Власенков А.И. Материалы к исследованию по теме «Использование алгоритмов в обучении орфографии». М.: Просвещение, 1965. 95 с.
6. Власенков А.И. Использование алгоритмов как средство ликвидации пробелов в знаниях учащихся профессионально-технических училищ по русскому языку (Методические рекомендации). Москва: ВНМЦПТО, 1990. 43 с.
7. Жиленко А.Х. Использование алгоритмов при изучении орфографии // Русский язык в школе, 1986. № 5. С. 53–55.
8. Журавлева Л.И. Русский язык в алгоритмах. Справ. пособие. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1996. 127 с.
9. Журавлева Л.И. Русский язык в таблицах и алгоритмах. Издательский центр «Взгляд», 2023. 316 с.
10. Казанская Н.В. Изучение синтаксиса в связи с морфологией как основной лингводидактический принцип освоения грамматики в условиях полиэтнической школы // Современное педагогическое образование, 2019. № 8. С. 103–107.
11. Ключина И.В. Русский язык в алгоритмах и схемах. Изд-во: Вако, 2018. 64 с.
12. Крутова И.Н., Бычков Д.М. Дидактические алгоритмы преподавания русского языка как иностранного: монография. Изд-во: КноРус. 2024. 126 с.

13. Максимова И.Н. О содержании повторительно-обобщающих уроков русского языка // Филологический класс. № 2 (36). 2014. С. 46–48.
14. Малащенко В.П. Алгоритмы на уроках русского языка. Ростов н/Д, 1978. 131 с.
15. Малащенко В.П. Диалектика познания и методология лингвистического исследования: Современный русский язык: актуальные вопросы теории и методики преподавания: монография. Ростов н/Д: Дониздат, 2012. 202 с.
16. Методическое пособие к УМК В.В. Бабайцевой. Русский язык. 5–9 классы. Углубленное изучение. М.: Дрофа, 2014. 397 с.
17. Надточий Е.Д. Алгоритмы в обучении орфографии современного русского языка // Уч. записки ТНУ им. В.И. Вернадского, 2012. Т. 25 (64). Ч. 2. С. 304–307.
18. Новейшие технологии обучения русскому языку в школе: учебное пособие (М.В. Веккесер, С.В. Мамаева, И.А. Славкина, Л.С. Шмутьская; под общей ред. М.В. Веккесер. И.А. Славкиной. Красноярск: Сибирский фед. ун-т, 2020. 108 с.
19. Подкина Ю.В. Метод алгоритма в преподавании русского языка в средней школе // Вестник Томского гос. пед. ун-та, 2022. Выпуск 6 (224). С. 80–87.
20. Попова Т.С. Обобщение и систематизация знаний учащихся в информационно-образовательной среде // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 2 (39). С. 111–112.
21. Шатова Е.О. О способах описания обобщенных алгоритмов при обучении орфографии. Методика и опыт // Русский язык в школе, 1991. № 4. С. 9–16.
22. Юсупова З.Ф. Именные части речи в учебно-научном дискурсе: лингвометодический аспект // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та, 2014. № 3. С. 193–201.

Algorithmic structuring of grammatical information about nominal parts of speech as a means of developing students' cognitive abilities

Vladimir N. Sulnichenko,

PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor

Yevpatoria Institute of Social Sciences

Crimean Federal University (Yevpatoria, Russia)

E-mail: sulnich@mail.ru

The main goal of the article is to show the process of structuring grammatical material about nominal parts of speech in the Russian language classes at the 9th grade of a secondary school. The scientific novelty of the article lies in the developed methodology of structuring linguistic data by compiling grammatical tables and algorithms that facilitate the intensive assimilation of large amounts of language information. The results of the study of this problem indicate that the algorithmic approach affects a deeper and more durable assimilation of the educational material. Besides, it encourages students to engage in independent research activities.

Key words: generalization and systematization of educational material, structuring of grammatical material, nominal parts of speech, algorithms for recognizing nominal parts of speech, grammar tables.

*Статья подана 27 января 2025 г.
Одобрена к публикации 05 марта 2025 г.*

Алла Васильевна Величко

01.01.1945 — 23.08.2025

Коллектив кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова с глубоким прискорбием сообщает, что на 81-м году жизни скоропостижно скончалась профессор Алла Васильевна Величко (01.01.1945—23.08.2025), видный лингвист, исследователь русского синтаксиса и авторитетный специалист в области описания и преподавания русского как иностранного (РКИ), чье научное наследие прочно и надолго вошло во многие сферы нашей профессиональной деятельности.

Вся жизнь Аллы Васильевны была связана с Московским университетом. В 1968-м году она с отличием окончила отделение русского языка и литературы филологического факультета МГУ

и поступила в аспирантуру кафедры русского языка. В 1975 году А.В. Величко защитила кандидатскую диссертацию «Структуры предложений с глаголами речи в современном русском языке» (научный руководитель проф. Т.П. Ломтев). В 2017-м году Аллой Васильевной была защищена докторская диссертация на тему «Предложения фразеологизированной структуры в русском языке».

Научные интересы А.В. Величко были связаны с семантическим синтаксисом и русской функциональной грамматикой в аспекте РКИ, а также с теорией и методикой преподавания русского языка иностранным филологам. Ее научные и научно-методические работы знают не только в России, но и во всех странах, где преподается русский язык.

Публикации Аллы Васильевны имеют несомненную значимость для теории русского синтаксиса; большинство из них активно используется в преподавании РКИ. Ее книги (такие, как «Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев», 1996; «Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование», 2016; «Когда есть о чём поговорить, или Предложения фразеологизированной структуры в русской речи», 2016), как и коллективные публикации, в создании которых Алла Васильевна принимала активное авторское участие («Простое предложение», 1986; «Деловой русский», 1992; «Какой падеж? Какой предлог? Глагольное и именное управление в таблицах и упражнениях», 1999; «Русский язык в текстах о филологии», 2008; «Трудности русского синтаксиса», 2013, и др.)

на долгие годы останутся востребованными иностранными учащимися, а также российскими и зарубежными преподавателями и студентами отделения РКИ.

Особого внимания заслуживает созданная по инициативе А.В. Величко и многократно переиздававшаяся солидная (в последнем издании — 742 с., или 45 п.л.) коллективная монография «Книга о грамматике». Будучи научным редактором этого труда, Алла Васильевна собрала творческий коллектив, которому удалось во многом реализовать идею выдающегося лингвиста Л.В. Щербы о создании активной грамматики по принципу «от содержания к форме», весьма удобной для коммуникативного подхода к обучению иностранным языкам, в частности русскому.

Как известно, грамматика РКИ начинается там, где язык описывается для того, чтобы дать преподавателю сведения, позволяющие обучать иностранца русской речи. Заметим, что в 1984-м году в «Энциклопедическом словаре юного филолога (языкознание)» под редакцией М.В. Панова утверждалось, что активную грамматику русского языка составить очень трудно, слишком много привычных вещей придется переосмыслить, и именно поэтому, констатировалось в словаре, такой активной грамматики русского языка пока нет, хотя попытки ее написать предпринимались не раз. И вот спустя сорок лет, в 2024-м году, научно-педагогическое сообщество русистов отмечало двадцатилетие со дня выхода 1-го издания «Книги о грамматике», как раз на деле реализующей идею активной грамматики русского языка для иностранцев.

До последних дней жизни все мысли Аллы Васильевны Величко были обращены к работе, к новому учебному пособию — к словарю-справочни-

ку «Фразеологизированные предложения», который она хотела, но не успела опубликовать. И сейчас ее родные при поддержке ее родной кафедры готовят к изданию эту последнюю книгу Аллы Васильевны.

Необходимо добавить, что Алла Васильевна Величко была не только талантливым исследователем, но и прекрасным педагогом, не случайно в 2012 году она была удостоена почетного звания заслуженного преподавателя МГУ. С болью в сердце на кончину А.В. Величко откликнулись ее многочисленные ученики, в течение десятилетий поддерживавшие с ней и профессиональные, и теплые дружеские отношения. К ним относится, в частности выдающийся монгольский филолог-русист, профессор Цэрэнчимэдийн Саранцацрал, руководитель Монгольской ассоциации преподавателей русского языка и литературы, почетный профессор Московского университета. С теплотой вспоминает об Алле Васильевне и Ха Вьет Ань, учившаяся в МГУ на филологическом факультете в 90-е годы. Вернувшись на родину, она работала в издательстве Ассоциации писателей Вьетнама и стала известной переводчицей русской литературы.

Алла Васильевна Величко была хранительницей традиций нашей кафедры и нашей специальности, являясь примером принципиальности, требовательности к себе и к другим, и в первую очередь по отношению к науке и преподавательской деятельности.

Светлая память об Алле Васильевне, замечательном учёном и прекрасном человеке, навсегда сохранится в наших сердцах.

*Кафедра русского языка
для иностранных учащихся
филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова*